

АВТОР
ВИОЛЕТТА ВЕСНА

ИЗ ИХ ИСТОРИИ
ВЫЧЕРКНУЛИ МОЕ ИМЯ.
ТЕПЕРЬ Я ПЕРЕПИШУ
ПРАВИЛА.

ЖЕНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО В ДОКУМЕНТАХ

ВЕРЕСНЕВ И СЕВЕР
ГРУППА КОМПАНИЙ

Виолетта Весна

**Жена, которой не
было в документах**

«Автор»

2026

Весна В.

Жена, которой не было в документах / В. Весна — «Автор», 2026

Десять лет Таисия Вереснева улыбалась на чужих вечерах, держала дом, растила детей и верила, что быть «тихой гаванью» — это тоже вклад. Но когда на стене появляется табличка с историей их первого совместного проекта, а её имени там нет — что-то внутри ломается тихо и окончательно. Развод с влиятельным мужем — не победа и не поражение. Это момент, когда женщина впервые задаёт себе вопрос: кто я без его фамилии, без его дома, без его тени? «Жена, которой не было в документах» — роман о женщине, которую годами вычёркивали карандашом. И о том, как она наконец написала себя чернилами.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Дом без хозяйки	5
ГЛАВА 1. Бумаги на столе из орехового дерева	17
ГЛАВА 2. Комната, которую уже освободили	40
ГЛАВА 3. Первая женщина в списке приглашенных	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виолетта Весна

Жена, которой не было в документах

ПРОЛОГ. Дом без хозяйки

Таисия Вереснева умела улыбаться так, будто в ее жизни ничего не треснуло. Этому не учили ни в институте, ни на первых переговорах, где она когда-то сидела с чужими мужчинами в серых костюмах и доказывала, что старую табачную фабрику можно превратить не в руины, а в место, за которое город однажды будет благодарен.

Этому научил брак.

Десять лет рядом с Гордеем Вересневым были хорошей школой для лица. Не морщиться, когда он называет тебя «моя тихая гавань» при людях, хотя дома уже третий месяц разговаривает с тобой только расписаниями детей. Не отводить взгляд, когда очередной партнер говорит: «Вам повезло с мужем», будто она выиграла Гордея в лотерею, а не сидела ночами над его первыми сметами.

Не сжимать пальцы на бокале, когда на семейном вечере кто-то с умилением произносит: «Таисия у нас совсем не про бизнес, она про красоту, уют, детей».

Улыбаться.

Ровно.

Дорого.

Безупречно.

Так, чтобы никто не догадался: под шелком платья у тебя уже давно не кожа, а тонкая бумага, на которой чужой рукой вычеркивают твое имя.

— Тая, ты меня слышишь?

Голос Гордея прозвучал рядом негромко, но Таисия вздрогнула так, будто он коснулся ее ледяными пальцами.

Она повернула голову.

Он стоял почти вплотную, высокий, собранный, в темном костюме, который не казался на нем праздничным.

На Гордее все выглядело как часть власти: часы, запонки, спокойная посадка плеч, короткая улыбка для фотографов. Даже усталость на его лице выглядела не слабостью, а признаком человека, который слишком много решает.

— Слышу, — сказала она.

— Ты уже пять минут смотришь в одну точку.

— Здесь очень красивый свет.

Гордей скользнул взглядом туда, куда она смотрела. Новый клубный дом «Северная линия» сиял так, будто его не построили из бетона, стекла и арматуры, а достали готовым из дорогого журнала.

Высокие окна отражали вечерний город.

В зале пахло белыми розами, свежим деревом, терпким парфюмом и деньгами, у которых всегда был свой особый запах: уверенный, холодный, не терпящий чужой неловкости.

На стенах — большие черно-белые фотографии этапов строительства.

На длинных столах — тонкое стекло бокалов, закуски, к которым никто почти не приглядывался, карточки гостей с золотым тиснением.

По залу легко двигались официанты.

У входа репортеры останавливали нужных людей, просили взглянуть в камеру, сказать пару слов о проекте, благотворительности, городской среде, ответственности бизнеса.

Ответственность.

Таисия едва не усмехнулась.

Этим словом люди вроде Гордея умели прикрывать многое.

Иногда даже собственную жестокость.

— Свет выбирала команда Бориса? — спросила она.

— Да. Кажется, получилось неплохо. Неплохо.

Гордей почти никогда не говорил «прекрасно», если речь шла не о прибыли, сроках или победе.

— Получилось дорого, — сказала Таисия.

Он чуть повернулся к ней.

В уголке его рта появилась тень улыбки.

— Это упрек?

— Наблюдение.

— Сегодня лучше без твоих наблюдений.

Он произнес это мягко.

Почти ласково.

Так, как умел говорить только он: без грубости, без открытого приказа, но после таких слов воздух вокруг становился уже, а твое место в нем — меньше.

Таисия посмотрела на его руку.

Гордей держал бокал с водой.

Не с шампанским.

Он редко пил на мероприятиях: любил оставаться единственным трезвым среди тех, кто становился чуть откровеннее, чуть слабее, чуть удобнее для будущих решений.

— Я обещаю не портить вечер, — сказала она.

— Я не об этом.

— А о чем?

Гордей задержал взгляд на ее лице, будто хотел проверить, правда ли она не понимает.

— Сегодня важный день для компании. Для всех нас. Для всех нас. Раньше эта фраза грела.

В первые годы она означала, что они стоят рядом: он — с дерзостью и голодом человека, которому тесно в любой комнате, она — с чертежами, расчетами, чужими контактами, найденными через знакомых знакомых, и верой, которая иногда держала Гордея лучше любых банковских гарантий.

Теперь «для всех нас» означало другое.

Для него.

Для компании.

Для фамилии.

Для людей, чьи имена были в презентациях, договорах, пресс-релизах и благодарственных речах.

Таисия кивнула.

— Конечно.

Гордей будто хотел сказать еще что-то, но к ним уже направлялся невысокий мужчина с круглым лицом и слишком живой улыбкой. Один из городских чиновников, недавно назначенный на должность, к которой давно привыкал по фотографиям в деловых изданиях.

— Гордей Аркадьевич! — обрадовался он так громко, что двое гостей рядом обернулись.

— Поздравляю. Масштаб, конечно, впечатляет.

— Спасибо, Павел Ильич.

Они пожали руки.

Таисия снова улыбнулась.

— Таисия, — чиновник повернулся к ней с той самой любезностью, которую мужчины часто дарили женам влиятельных людей: чуть снисходительной, чуть заученной.

— Вы сегодня, как всегда, украшение вечера.

— Благодарю.

— Без вас, наверное, Гордей Аркадьевич совсем бы в работе сгорел. Кто-то ведь должен создавать ему тыл. Тыл.

Она столько раз слышала это слово, что однажды оно перестало быть комплиментом и стало дверью, которую закрыли перед ее лицом.

Тыл — это место, где тебя не видно.

Тыл — это когда ты несешь потери, но победу празднуют другие. Тыл — это когда твоя работа называется поддержкой, пока не приходит время делить результаты.

— Таисия умеет держать дом, — сказал Гордей.

Она почувствовала, как эти слова легли между ними тяжелой салфеткой на стол.

Снаружи — вежливо.

Внутри — окончательно.

Не проекты.

Не переговоры.

Не первый инвестор, которому она тогда звонила сорок три раза, пока он наконец не согласился встретиться. Не старое здание с выбитыми окнами, которое она увидела не как обузу, а как начало.

Дом.

Она умеет держать дом.

— Это редкий талант, — одобрил Павел Ильич.

— Весьма, — ответил Гордей.

Таисия посмотрела на него.

Он уже не видел ее взгляда.

Он смотрел через зал, туда, где у сцены собиралась команда проекта.

И там стояла Рената Штольц.

Даже в толпе Рената умела быть отдельной линией. Прямая спина, гладкие темные волосы, платье без единой лишней детали, тонкая папка в руке.

Она не выглядела праздничной.

Она выглядела необходимой.

Таисия давно заметила: рядом с Гордеем люди делились на две категории.

Одни украшали его жизнь.

Другие участвовали в ней.

Рената участвовала.

Ей не нужно было улыбаться фотографам.

Не нужно было держать бокал и изображать гордую жену.

Она могла подойти к Гордею в любой момент, наклониться к его уху, показать цифру на экране телефона, сказать тихо — и он слушал.

Так когда-то он слушал Таисию.

Не сразу.

Гордей вообще не любил слушать с первого раза.

Он спорил, перебивал, проверял каждое слово на прочность.

Но тогда, десять лет назад, он все равно возвращался к ее идеям. Ночью, утром, на лестничной площадке, в машине, на стройке, где ветер бил в лицо пылью и мокрым снегом.

— Тая, ты уверена, что это здание можно спасти?

— Уверена.

— Банк не даст под него нормальную оценку.

— Значит, надо показать не здание. Надо показать, что с ним будет через три года.

— Ты говоришь так, будто уже видела.

— Я и вижу.

Она действительно видела.

А теперь на стене висела фотография того самого объекта, отреставрированного, подсвеченного, названного первым большим успехом Гордея Вереснева.

На табличке под снимком было написано: «Первый знаковый проект группы Вереснев и Север.

2016 год».

Ниже — имена архитектурного бюро, подрядчика, инвестора, руководителя проекта.

Ее имени там не было.

Таисия отпила шампанское.

Холодные пузырьки коснулись языка, но вкуса она не почувствовала.

— Таисия?

Павел Ильич что-то спрашивал.

Она вернулась лицом к собеседнику.

— Простите, задумалась.

— Я говорил, что у вас прекрасная дочь. Видел ее на детском турнире по теннису. Вся в отца.

— Марта очень старается, — ответила Таисия.

— И мальчик у вас, кажется?

— Савелий. Ему семь.

— Чудесно. Полный дом. Полный.

Таисия подумала о том, как в последнее время этот полный дом звучал по ночам.

Марта закрывала дверь своей комнаты все тише, но от этого отчуждение становилось громче.

Савелий начал просыпаться и приходил к ней без слов, просто ложился рядом, вцеплялся пальцами в край ее рукава и так засыпал.

Гордей возвращался поздно.

Иногда не возвращался вовсе, предупреждая коротким сообщением: «Останусь в городе. Утром встреча».

Они не ссорились.

Это было хуже.

Ссоры хотя бы доказывали, что между людьми еще есть горячее место.

У них оставались расписания, счета, школьные чаты, благотворительные вечера и тишина за завтраком.

— Простите, — Гордей положил ладонь Таисии на спину, едва касаясь. Для окружающих жест выглядел нежным. Для нее — направляющим.

— Нам нужно подойти к сцене.

— Конечно, — Павел Ильич сразу отступил.

— Не задерживаю. Еще раз поздравляю.

Они пошли рядом.

Пальцы Гордея на ее спине были сухими и теплыми.

Таисия помнила эти руки другими: в цементной пыли, с царапинами от старых рам, с дешевой ручкой между пальцами, когда он в третий раз пересчитывал кредитный график и молчал так страшно, что ей приходилось первой говорить: «Мы выберемся».

Мы.

Какое короткое слово.

И как легко оно однажды превращалось в «мое».

У сцены уже стояла ведущая — высокая блондинка в серебристом платье, с улыбкой человека, который умеет делать любую чужую победу праздничной.

— Дамы и господа, — произнесла она в микрофон, и зал постепенно стих.

— Сегодня мы собрались не только ради открытия нового клубного дома «Северная линия». Мы собрались, чтобы поддержать программу восстановления исторической городской среды.

И трудно представить человека, который сделал для этого направления больше, чем основатель группы «Вереснев и Север» — Гордей Вереснев.

Аплодисменты поднялись сразу, послушно, уверенно.

Гордей улыбнулся.

Не широко.

Он вообще не любил широких улыбок, считал их признаком суеты. Только слегка смягчил лицо, принимая овацию как должное, но без грубого самодовольства.

Таисия стояла рядом и хлопала вместе со всеми.

На огромном экране за сценой зажглись первые кадры ролика.

Молодой Гордей.

Моложе, резче, худее.

В старой каске на фоне полуразрушенного здания.

Таисия задержала дыхание.

Это была та самая фабрика.

Ее фабрика.

Нет.

Не ее.

У нее больше не было привычки называть своим то, что давно записали на других.

Кадры сменялись быстро.

Руины.

Чертежи.

Стройка.

Первые полосы деловых газет.

Гордей на встрече с инвесторами.

Гордей рядом с губернатором.

Гордей перед макетом.

Гордей на фоне уже готового комплекса.

Потом — новые объекты.

Башни из стекла.

Восстановленные фасады.

Дворы без машин.

Лобби с живыми деревьями.

Камеры любили такие пространства: в них будущее выглядело чистым, дорогим и неизбежным.

Голос за кадром говорил: «Пятнадцать лет назад компания Вереснев и Север начиналась с одного рискованного решения. Сегодня это один из самых узнаваемых девелоперских брендов региона» Таисия смотрела на экран, и с каждым кадром внутри становилось все тише.

Ни одного ее фото.

Ни одной фразы.

Ни одного упоминания о женщине, которая тогда сидела в приемной первого инвестора с папкой на коленях, потому что секретарь пять раз просила ее уйти. Ни одного кадра с той ночи, когда она продала бабушкину мастерскую на бумаге, убеждая себя, что это временно, что Гордей все вернет, что у них общее будущее и общие риски. Ни одного слова о презента-

ции, которую она переписала с нуля, пока Гордей курил на балконе и говорил в темноту: «Не вытяну».

На экране появилась Рената.

Таисия моргнула.

Рената стояла рядом с Гордеем на одном из недавних совещаний, что-то показывала на планшете. Закадровый голос произнес: «Сильная команда профессионалов, точный финансовый расчет и безупречная репутация позволили компании пройти путь от локального застройщика до лидера рынка».

Сильная команда.

Точный финансовый расчет.

Безупречная репутация.

Таисия вдруг ясно поняла: ее не забыли.

Забывают случайно.

А здесь все было слишком аккуратно.

Ее просто не включили.

Ролик закончился семейным кадром.

Гордей, Таисия, Марта и Савелий на ступенях их дома. Фото сделали прошлой осенью для журнала. Тогда стилист долго поправляла Таисии ворот бежевого пальто, Марта капризничала, Савелий хотел держать в руках игрушечного динозавра, а Гордей сказал: «Пять минут потерпите.

Это важно для образа».

Образ получился прекрасным.

Счастливая семья на фоне дома, который юридически ей не принадлежал.

— Рядом с каждым большим человеком, — сказала ведущая со сцены, — есть те, кто создает пространство любви, покоя и поддержки.

Таисия Вереснева — супруга Гордея Вереснева, хранительница семейного уюта и сердце дома, где растут их замечательные дети.

На них повернулись камеры.

Таисия улыбнулась.

Ровно.

Дорого.

Безупречно.

Внутри что-то маленькое и живое согнулось пополам.

Гордей слегка наклонил голову к ней:

— Все хорошо? Камера была совсем близко.

— Да, — сказала она одними губами.

— Все прекрасно.

Он повернулся к залу и поднялся на сцену.

Таисия осталась у первого ряда.

Гордей говорил хорошо.

Спокойно, без лишней патетики, с тем особым весом, который заставлял людей верить: этот мужчина не просто строит дома, он меняет карту города.

— Мы всегда считали, что пространство влияет на человеческую судьбу, — произнес он.

— Дом — это не стены. Это уверенность. Это связь поколений. Это место, где человек чувствует: у него есть опора.

Таисия почувствовала, как пальцы сами сжались на ножке бокала.

Опора.

Когда-то она была его опорой.

Теперь он продавал это слово с экрана.

— Поэтому часть средств от сегодняшнего вечера будет направлена на программу восстановления исторических зданий, — продолжил Гордей.

— Мы не имеем права забывать то, с чего все начиналось.

Таисия подняла глаза.

Он сказал это легко.

Почти красиво.

Мы не имеем права забывать то, с чего все начиналось.

А она стояла внизу, в идеально подобранном платье, и думала: значит, право вычеркивать у нас есть. Когда Гордей закончил, зал снова заплодировал.

К нему подошли люди, началась привычная круговерть поздравлений, рукопожатий, коротких фраз.

Таисия на несколько минут оказалась свободной.

Она отошла к боковому коридору, где было прохладнее и тише.

За стеклянной перегородкой виднелся внутренний двор клубного дома. Молодые деревья стояли в круглых подсвеченных нишах. Их посадили недавно, они еще не успели врасти корнями в это дорогое место.

Вокруг стволов была темная свежая земля.

Таисия вдруг позавидовала деревьям.

У них хотя бы никто не спрашивал документов на право расти там, куда их поставили.

— После соглашения она не сможет претендовать ни на что.

Голос донесся из соседнего служебного прохода.

Таисия замерла.

Она узнала Ренату.

Рената всегда говорила спокойно, но не мягко.

В ее интонации была сухая четкость человека, который не тратит слова на чувства.

— Гордей Аркадьевич уверен? — спросил мужской голос.

Таисия не сразу поняла, кому он принадлежит. Кажется, одному из корпоративных юристов.

Фамилия выскользнула из памяти.

— Уверен. Ему важно закрыть вопрос до конца квартала. Вопрос.

Таисия даже не сразу поняла, что речь может быть о ней.

О людях так не говорят.

Так говорят о долге, проверке, спорном пункте, лишней строке расходов.

— А дети?

— Дети остаются в привычной среде. Это самая сильная позиция.

Дом, школа, режим, персонал, медицинское сопровождение.

На ее стороне эмоции.

На нашей — структура.

На ее стороне эмоции.

Таисия медленно поставила бокал на узкую консоль у стены.

Стекло едва слышно звякнуло.

— Она подпишет? — спросил мужчина. Пауза.

Таисия почти видела, как Рената смотрит перед собой, не сомневаясь.

— Подпишет.

У нее нет ресурсов для войны.

И потом, в документах ее нет.

Сердце ударило один раз.

Глухо.

Как будто кто-то закрыл тяжелую дверь.

В документах ее нет.

Фраза из зала, услышанная в начале вечера, вернулась теперь уже без праздничного шума, без возможности ошибиться, без милосердного недопонимания.

Они говорили не о корпоративном споре.

О ней.

О ее жизни.

О ее детях.

О доме, в котором она выбирала не только шторы.

В котором она ночами сидела у кровати Марты с температурой. Где Савелий сделал первые шаги от дивана к ее раскрытым рукам. Где Гордей когда-то в первую зиму после переезда заснул прямо на полу детской, потому что сын плакал, а Таисия положила на него плед и подумала: вот оно, счастье, просто усталое, живое, настоящее.

Дом.

Привычная среда.

Структура.

На ее стороне эмоции.

Таисия стояла за стеклянной перегородкой, и на секунду ей показалось, что если она сейчас посмотрит на свои руки, они окажутся прозрачными.

— Старые бумаги? — спросил юрист.

— Риски по первому объекту закрыты?

— Закрываются, — ответила Рената.

— Там нечему всплывать.

— Она может что-то помнить.

— Помнить не значит доказать.

Таисия закрыла глаза.

Помнить не значит доказать.

Вот как.

Все эти годы она думала, что память — это часть любви. Оказывается, в их мире память была слабым доказательством.

Чужая спина мелькнула в проходе.

Шаги удалились.

Таисия осталась на месте еще несколько секунд, потом заставила себя выдохнуть.

Нельзя было сейчас выходить к ним.

Нельзя устраивать сцену.

Не потому, что Гордей попросил.

Потому что сцены проигрывают те, у кого нет плана.

Она вернулась в зал медленно.

Музыка стала громче.

Кто-то смеялся.

Кто-то говорил о благотворительном аукционе.

На большом экране снова крутили фотографии объектов «Вереснев и Север», только уже без звука.

Гордей стоял у дальней стены с двумя мужчинами и Ренатой. Та была чуть в стороне, но достаточно близко, чтобы в любой момент вложить ему в руку нужную цифру, нужную бумагу, нужную мысль.

Таисия смотрела на мужа и пыталась совместить в одном человеке двух Гордеев. Того, который когда-то в старой куртке стоял под дождем у бабушкиной мастерской и говорил:

— Тая, я верну тебе все. Клянусь. Когда это выстрелит, все будет наше.

И этого.

Сухого.

Дорогого.

Непроницаемого.

С папкой «Семейное урегулирование» в портфеле.

Она пошла к нему.

Не быстро.

Без дрожи.

Так, как ходят женщины, которых учили быть украшением вечера.

Гордей заметил ее сразу.

В его взгляде мелькнула короткая оценка: лицо, осанка, улыбка.

Он проверял, не нарушит ли она рисунок мероприятия.

— Тая, — сказал он, когда она подошла.

— Ты где была?

— Дышала.

Рената посмотрела на нее с вежливым вниманием.

— Устали? Вечер действительно насыщенный.

Таисия повернулась к ней.

— Не настолько, чтобы не понимать, о чем говорят вокруг.

На лице Ренаты не дрогнула ни одна мышца.

Гордей едва заметно напрягся.

— Что-то случилось?

Таисия посмотрела на его портфель, стоявший рядом с креслом у стены.

Черная кожа.

Серебристая застежка.

Ничего особенного.

Кроме того, что теперь она знала: внутри лежит не просто папка.

Внутри лежит ее будущее, подготовленное без нее.

— Нет, — сказала она.

— Вечер ведь важный. Не будем его портить.

Гордей задержал на ней взгляд.

Он услышал.

Не слова — тон.

Раньше Таисия почти никогда так с ним не говорила.

Рената перевела взгляд с нее на Гордея, будто быстро пересчитывала риски.

— Гордей Аркадьевич, через десять минут аукцион, — напомнила она.

— Нужно подойти к организаторам.

— Я подойду.

Рената кивнула и отступила.

Но не ушла далеко.

Гордей наклонился к Таисии:

— Что ты слышала?

Она улыбнулась гостям, проходившим мимо, дождалась, пока они отойдут, и только потом ответила:

— Достаточно, чтобы понять: дома мне собираются объяснить, где мое место после твоего важного вечера. Его лицо стало жестче. Не грубее. Именно жестче, будто по нему провели невидимой линией.

— Не здесь.

— Разумеется.

— И не в таком тоне.

Таисия тихо усмехнулась.

— Какой тон полагается женщине, которой уже приготовили документы?

Гордей посмотрел ей в глаза.

В этом взгляде было предупреждение.

И усталость.

И раздражение человека, чей идеально выстроенный порядок вдруг зацепился за выступающий гвоздь.

— Ты не знаешь деталей.

— Вот именно, — сказала она.

— Я не знаю деталей собственной жизни.

Он отвел взгляд первым.

На секунду.

Всего на секунду, но Таисия заметила.

Раньше она бы ухватилась за эту секунду как за надежду: ему стыдно, ему трудно, он не хотел, он запутался. Теперь она не стала придумывать ему оправдания.

На сцене ведущая объявила начало благотворительного аукциона. Первый лот — авторский эскиз фасада старой фабрики, с которой началась история компании.

Таисия почти рассмеялась.

Какая аккуратная насмешка.

Эскиз вынесли на сцену в тонкой раме.

Она узнала линию арки, пропорции окон, внутренний дворик, который когда-то предложила открыть вместо того, чтобы застроить дешевым коммерческим блоком.

Ее идея.

Чужой лот.

Чужие аплодисменты.

— Начальная ставка — пятьсот тысяч рублей, — сказала ведущая.

Руки поднялись быстро.

Гордей смотрел на сцену.

Таисия смотрела на Гордея.

Она вдруг поняла: если сейчас уйдет молча, то завтра сядет за его ореховый стол, выслушает аккуратные слова, увидит цифры, квартиру, график детей, пункт о тишине, и ей снова придется решать, кем быть. Женщиной, которая десять лет доказывала любовь терпением. Или женщиной, которая наконец поняла, что терпение тоже иногда становится соучастием против самой себя.

— Миллион двести, — прозвучало из зала.

— Миллион пятьсот.

— Два миллиона.

Ставки росли.

Цена за рисунок, в котором не было ее имени, становилась все выше.

Таисия вспомнила бабушкину мастерскую.

Старое кирпичное здание на окраине.

Неровный пол.

Запах дерева, клея, пыли, высохших трав, которые бабушка почему-то держала в жестяных банках.

Маленькое окно под потолком.

Синие папки в шкафу.

Бабушкин голос: «Тая, дом — это не стены.

Дом — это место, где тебя не надо доказывать».

Тогда она не поняла.

Теперь поняла слишком поздно.

Или не поздно.

— Гордей, — сказала она тихо.

Он не сразу повернулся.

— Что?

— У меня остались бумаги по первому проекту.

Она не знала, зачем сказала это именно сейчас.

Может, хотела увидеть его лицо.

Может, впервые за вечер не смогла удержать удар внутри.

Гордей повернулся медленно.

В его глазах не было удивления.

И это стало страшнее всего.

Было напряжение.

Расчет.

Мгновенная внутренняя проверка: какие бумаги, где, у кого, насколько опасно.

Не «Тая, о чем ты».

Не «какие бумаги».

Он понял сразу.

— Не начинай, — сказал он очень тихо.

— Значит, помнишь.

— Я сказал, не здесь.

— А где?

В кабинете, где ты положишь передо мной соглашение?

Его челюсть едва заметно напряглась.

— Ты слышала обрывки и делаешь выводы.

— Нет. Я много лет слышала обрывки. Сегодня они наконец сложились.

Ведущая со сцены радостно объявила:

— Три миллиона рублей! Раз! Два!

Зал аплодировал.

Таисия и Гордей стояли рядом с семейным портретом на экране за их спинами. Со стороны они, наверное, казались красивой парой, которая о чем-то тихо советуется во время аукциона.

— Тая, — произнес он так, будто пытался удержать ее на краю.

— Не устраивай сцену. Сегодня важный вечер.

Она посмотрела на него.

На мужчину, которого любила так долго, что любовь успела потерять человеческий голос и стать привычкой беречь его даже от правды.

— Я уже поняла, — сказала она.

— Важный вечер. Важная компания. Важная репутация.

— Ты передергиваешь.

— Нет. Я впервые называю вещи своими именами.

Он хотел ответить, но к ним подошел один из партнеров, и лицо Гордея мгновенно изменилось: с жесткого личного на спокойное деловое.

— Гордей, поздравляю, аукцион идет блестяще.

— Спасибо, — ответил он.

Таисия снова улыбнулась.

Партнер сказал что-то о фасадах, реставрации, культурном коде города.

Гордей ответил точно, уверенно.

Они обменялись двумя шутками.

Рената вновь оказалась рядом, вплелась в разговор цифрами и датами.

Таисия стояла чуть сбоку.

Как жена.

Как украшение.

Как женщина, которой не было в документах.

И вдруг это перестало быть только болью.

В этом появилась форма.

Название.

Точка, от которой можно оттолкнуться.

Если ее нет в их документах, это еще не значит, что ее не было в реальности. Если ее вычеркнули из презентации, это еще не значит, что она не помнит, кто держал первый лист.

Если ее хотят оставить с квартирой, машиной и расписанием материнства, это еще не значит, что она обязана благодарить за аккуратно оформленное исчезновение.

Музыка поднялась выше.

Первый лот продали за сумму, от которой гости одобрительно загудели.

На экране снова появился семейный портрет.

Таисия смотрела на собственное лицо в огромном размере. Женщина на фотографии улыбалась спокойно, почти нежно.

Рядом стоял Гордей.

Перед ними — дети.

За ними — дом.

И вдруг Таисии показалось, что та женщина на экране уже мертва.

Не физически.

Нет.

Ее просто похоронили живой в правильной позе, в дорогом платье, под фамилией мужа, под словами «сердце дома».

Очень удобно.

Очень красиво.

Почти без следов.

Гордей снова наклонился к ней:

— Мы поговорим дома.

Таисия не посмотрела на него.

Она смотрела на портрет.

— Да, — сказала она.

— Поговорим.

И впервые за много лет в этом слове не было согласия.

В нем было начало войны.

ГЛАВА 1. Бумаги на столе из орехового дерева

Утро после приема началось не с разговора.

Оно началось с тишины.

Таисия проснулась раньше будильника и несколько минут лежала, не открывая глаз.

В доме было слишком спокойно.

Не то мягкое спокойствие раннего утра, когда еще можно поверить, что день будет обычным, а плотная, вычищенная до блеска тишина большого дорогого дома, где персонал уже двигается неслышно, дети еще спят, а взрослые люди заранее знают, что сегодня придется разрушить привычный порядок вещей.

Она лежала на своей половине кровати.

На их кровати.

На той самой, которую выбирала сама, когда дом еще пах краской, свежим деревом и надеждой.

Гордей тогда ворчал, что ждать доставку из Италии два месяца — глупость, можно взять любую хорошую кровать в Москве.

А она смеялась и говорила, что в доме, где все делается на годы, нельзя ставить случайные вещи. Теперь ей хотелось спросить у той молодой Таисии: ты правда думала, что случайные вещи защищают от случайного предательства?

Место рядом было пустым.

Гордей не лег ночью в спальне.

Она услышала, как он вернулся около двух: короткий звук открывшейся двери внизу, приглушенные шаги, голос охранника, потом тишина.

Таисия не вышла.

Не стала ждать в халате у лестницы, как ждала раньше, когда между ними еще было что-то живое и ей казалось важным встретить его, даже если он устал, зол, поздно, снова не предупредил.

Вчера она уже увидела достаточно.

Папка.

Рената. «В документах ее нет». «На ее стороне эмоции». «На нашей — структура».

Эти фразы не исчезли за ночь.

Они лежали внутри ровными холодными пластинами, и каждую невозможно было сдвинуть.

Таисия открыла глаза.

На стене напротив висела большая акварель с видом старого города. Не самая дорогая вещь в доме, но одна из немногих, которую она действительно любила. Мягкие крыши, тонкая линия реки, серое небо, мокрый свет.

Когда она купила эту работу на маленькой выставке у никому не известного художника, Гордей только пожал плечами:

— Если нравится — бери. Тогда она не услышала в этом равнодушия. Услышала свободу. Какая странная способность у женщины в браке: превращать равнодушные мужчины в доказательство доверия. Дверь тихо приоткрылась.

— Мам?

Таисия села.

В проеме стоял Савелий.

В пижаме с маленькими серыми китами, босой, взъерошенный, с подушкой в руках.

Он всегда таскал ее с собой, когда просыпался встревоженным, будто подушка могла заменить ему место, где все еще безопасно.

— Иди сюда, — сказала Таисия.

Он подошел быстро, но без детской суеты, забрался к ней под одеяло и прижался лбом к ее плечу.

— Ты не спала? — спросил он.

— Немного спала.

— А папа?

— Папа, наверное, уже встал.

Савелий молчал.

Его пальцы сжали край одеяла.

— Ты сегодня уедешь?

Таисия замерла.

— Почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечом, не поднимая головы.

— Просто.

Дети часто говорили «просто», когда уже знали слишком много, но еще не умели сложить это в слова.

— Я сегодня никуда не уезжаю, — сказала она.

— Совсем? Сердце дернулось.

— Сегодня — совсем.

Он принял это не как успокоение, а как маленькую отсрочку.

— А потом?

Таисия закрыла глаза на секунду.

Ей хотелось соврать легко, по-матерински: «Конечно, нет, глупыш, куда я от тебя?» Хотелось сказать так убедительно, чтобы ребенок поверил сразу.

Но вчера за стеклянной перегородкой ей уже объяснили, что ложь может быть подана как забота, стабильность и структура.

Она не хотела становиться такой же.

— Савушка, — тихо сказала она.

— Что бы ни происходило у взрослых, я всегда буду твоей мамой. Не по бумажке. Не по расписанию. Всегда.

Он поднял глаза.

— А бумажка может сказать, что нет?

Таисия почувствовала, как холод проходит по спине.

Семь лет.

Ему было семь лет.

Он должен был спрашивать, почему киты спят в воде, а не в кровати. Почему у соседского мальчика робот лучше. Почему нельзя есть блины только с вареной сгущенкой.

Не это.

Не может ли бумажка отнять мать.

— Нет, — сказала она тверже.

— Не может.

Она сама пока не знала, насколько это правда.

Но ребенок имел право услышать ее без дрожи.

Савелий кивнул, будто принял не ответ, а обещание, которое теперь будет держать ее саму.

В коридоре послышались шаги.

Не Гордея.

Легкие, быстрые, осторожные.

— Миша? — раздался голос Марты за дверью.

— Ты у мамы?

— Я Савелий, — буркнул он в подушку. Дверь открылась шире.

Марта стояла на пороге уже одетая в школьную форму: темно-синий сарафан, белая рубашка, волосы собраны в тугий хвост.

Слишком аккуратная для утра.

Слишком взрослая для одиннадцати лет.

— Папа сказал, завтрак через двадцать минут, — произнесла она.

Таисия посмотрела на дочь.

— Доброе утро.

Марта чуть дернула плечом.

— Доброе.

Она не вошла.

Осталась на границе комнаты, как человек, который не уверен, имеет ли право быть внутри. Или хочет показать, что не нуждается в этом праве.

— Ты хорошо спала? — спросила Таисия.

— Нормально.

Савелий сел.

— Ты знала, что мама сегодня не уезжает?

Марта быстро посмотрела на него, потом на Таисию.

— А должна была?

В ее голосе прозвучало что-то острое, чужое, явно не детское.

Таисия узнала интонацию не сразу.

Потом поняла.

Так говорила Эльвира Павловна, когда хотела уколоть, но остаться воспитанной.

— Марта, — спокойно сказала Таисия.

— Что тебе сказал папа?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Он сказал, что взрослые иногда принимают решения, чтобы всем было лучше.

Савелий нахмурился.

— Кому всем?

Марта пожала плечами.

— Всем.

Таисия смотрела на дочь и видела, как та держится за эту взрослую фразу, будто за перила над пропастью.

«Чтобы всем было лучше».

Как удобно.

Как чисто.

Как легко этими словами накрыть чужой страх.

— Марта, иди сюда, — попросила она.

— Мне надо завтракать.

— Завтрак подождет две минуты. Дочь помедлила, но вошла. Остановилась у кресла, не подходя к кровати.

Таисия вдруг ясно увидела ее лицо: тонкое, красивое, напряженное.

Марта правда была похожа на Гордея.

Та же привычка прятать испуг под холодностью. Та же гордость, которая сначала выглядит силой, а потом оказывается броней на голом месте.

— Взрослые правда иногда принимают решения, — сказала Таисия.

— Но дети не обязаны делать вид, что им от этого не страшно.

Марта сжала губы.

— Мне не страшно.

— Хорошо.

— Я просто не хочу, чтобы все ругались.

— Я тоже.

— Тогда зачем ты вчера странно себя вела?

Савелий посмотрел на сестру.

— Она не странно.

— Тебя никто не спрашивает.

— Марта, — тихо сказала Таисия. Дочь вспыхнула, но не извинилась.

— Папа сказал, ты устала.

И что тебе надо отдохнуть от всего.

— От чего именно?

— От дома. От нас. От — Марта запнулась.

— От этой жизни. Вот оно. Сказано не прямо. Вроде бы мягко. Почти заботливо.

Но ребенок услышал именно так: мама устала от нас.

Таисия медленно откинула одеяло и встала.

— Я никогда не уставала от вас.

— Тогда почему папа так сказал?

— Потому что папе сейчас удобнее так думать.

Марта вздрогнула.

— Не говори так о нем. Не «не говори неправду». Не «папа не мог». Именно: не говори так о нем.

Таисия кивнула.

— Хорошо. Сегодня я не буду втягивать тебя в разговор, к которому ты не готова.

— Я не маленькая.

— Я знаю.

— Тогда говори нормально.

В другой день Таисия, возможно, попросила бы не повышать тон. Объяснила бы, что нельзя разговаривать с матерью так резко.

Но сейчас перед ней стояла не грубая дочь, а испуганный ребенок, которому взрослые уже успели сунуть в руки чужую версию происходящего.

— Нормально так, — сказала она.

— Я не хочу уходить от вас.

И не хочу, чтобы кто-то решал за меня, когда я могу быть вашей мамой.

Марта отвела взгляд.

— Папа не такой.

— Какой?

— Он не стал бы делать плохо.

Савелий тихо сказал:

— А если плохо получается само?

Марта посмотрела на него с раздражением, но ничего не ответила.

Внизу прозвенел тонкий колокольчик.

Домработница Лариса Ивановна всегда звонила им к завтраку так, будто в доме жили не люди, а гости отеля.

Марта сразу выпрямилась.

— Я пойду.

— Иди, — сказала Таисия. Дочь вышла.

Савелий остался сидеть на кровати.

— Она злится?

— Она боится.

— На кого?

Таисия убрала волосы с его лба.

— На всех понемногу.

— На тебя тоже?

— Наверное.

Он нахмурился, подумал и серьезно сказал:

— Я не буду.

Таисия прижала его к себе.

— Ты можешь. Если будет больно — можешь злиться и на меня тоже.

— Не хочу.

— Тогда не надо.

Она поцеловала его в макушку и наконец отпустила. Через двадцать минут Таисия спустилась к завтраку. Столовая была залита мягким утренним светом.

Большие окна выходили в сад, где газон стригли так ровно, будто каждая травинка подписала договор о приличном поведении.

На столе — свежий хлеб, сырники, фрукты, кофе для взрослых, какао для Савелия, зеленый чай для Марты.

Гордей уже сидел во главе стола.

В темно-серой рубашке, без пиджака, с планшетом у левой руки и телефоном у правой. Выглядел так, будто спал не меньше восьми часов, хотя Таисия знала: это неправда. Просто Гордей умел носить усталость как еще один дорогой слой одежды.

Он поднял глаза.

— Доброе утро.

— Доброе. Ни вчерашнего разговора. Ни вопроса. Ни следа тревоги. Только привычное утро состоятельной семьи.

Марта сидела справа от него и резала сырник на одинаковые квадраты.

Савелий забрался на свое место рядом с Таисией, положил под столом босую ступню ей на ногу и замер.

Она не двинулась.

— У Марты сегодня тренировка после школы, — сказал Гордей.

— Водитель заберет в шесть.

— Я помню.

— Савелия надо отвезти к логопеду.

— Я тоже помню.

— Сегодня отвезет Лариса Ивановна.

У тебя в двенадцать разговор со мной.

Он произнес это ровно, не поднимая голоса.

Но за столом сразу стало тише.

Марта перестала резать сырник.

Савелий поджал пальцы на ноге.

Таисия медленно поставила чашку.

— Разговор со мной можно было обсудить со мной.

— Я сейчас и обсуждаю.

— Нет. Ты поставил меня перед фактом.

Гордей посмотрел на детей, потом на нее.

— Не за завтраком.

— Согласна.

Она взяла чашку снова, но пить не стала.
Савелий шепнул:
— Мам, ты поешь.
— Сейчас.
Гордей отложил планшет.
— Савелий, после завтрака поднимись к себе и собери пенал. Вчера в машине осталась тетрадь, попроси Ларису Ивановну забрать.
— Хорошо.
— Марта, у тебя контрольная?
— По математике.
— Готова?
— Да.
— Отлично. Все было так спокойно, что Таисии захотелось разбить чашку о стол. Не от истерики. От желания, чтобы хоть какой-то звук честно соответствовал происходящему. Дом разваливался, но ложки звенели по фарфору вежливо. Дети доели быстро. Марта ушла первой.
Савелий задержался, словно хотел что-то сказать, но Гордей посмотрел на часы, и мальчик послушно сполз со стула.
У двери он обернулся.
— Мам?
— Да?
— Ты будешь дома, когда я вернусь?
Таисия почувствовала взгляд Гордея.
— Буду.
Савелий кивнул и убежал.
Только когда шаги детей стихли наверху, Гордей поднялся.
— В кабинет. Не «пойдем». Не «давай поговорим».
В кабинет.
Как будто она была сотрудником, которого вызвали на неприятную встречу.
Таисия тоже встала.
— Через десять минут.
Он остановился.
— Почему через десять?
— Потому что мне нужно переодеться.
— Для разговора со мной?
— Нет. Для себя.
На его лице мелькнуло раздражение.
Маленькое.
Почти незаметное.
Но за эти годы она выучила его микрожесты лучше, чем когда-то учила чертежи.
— Хорошо, — сказал он.
— Десять минут.
Она поднялась вверх медленно.
В гардеробной долго стояла перед рядами одежды.
Платья для приемов.
Костюмы для редких встреч в школе, где от матерей ожидали аккуратной невидимости. Кашемировые свитера, шелковые блузы, пальто, купленные Гордеем без ее просьбы, потому что «тебе пойдет».

Она вдруг поняла, что почти все ее вещи в этом доме так или иначе подтверждали его вкус, его статус, его представление о том, какой должна быть жена Вереснева.

Таисия достала темно-синее платье.

Простое.

Строгое.

Без украшений.

То самое, которое однажды Гордей назвал «слишком деловым для семейного ужина».

Хорошо.

Сегодня как раз не семейный ужин.

Она собрала волосы низко на затылке, сняла серьги с жемчугом, оставила только тонкое кольцо на правой руке.

Обручальное не тронула.

Не из верности.

Из упрямства.

Это кольцо было не только его знаком.

Оно было доказательством, что десять лет ее жизни действительно были. Когда Таисия спустилась, дверь кабинета была приоткрыта.

Гордей стоял у окна, разговаривая по телефону.

— Нет, встречу с Мартыновым не переносим. Подготовьте финальные цифры к четверем.

Рената пусть проверит структуру.

Да.

И без самодеятельности в прессу, пока я не скажу.

Он услышал ее шаги и повернулся.

— Перезвоню. Положил телефон на стол. Кабинет Гордея всегда казался Таисии самой честной комнатой в доме. Здесь не пытались изображать уют. Темное дерево, кожаные кресла, тяжелые полки, карты участков, несколько макетов под стеклом, дорогой минимализм, за которым стояли власть и расчет. Ореховый стол занимал центр комнаты. Слишком большой для семейных разговоров. Идеальный для сделок.

На столе лежала папка.

Светло-серая.

Без названия.

Таисия остановилась у двери.

— Закрой, пожалуйста.

Она закрыла дверь.

Щелчок прозвучал неожиданно громко.

Гордей сел не сразу.

Сначала посмотрел на нее так, как смотрел на сложного переговорщика, с которым нельзя начинать резко.

— Вчера ты услышала разговор, который не должна была слышать.

Таисия почти улыбнулась.

— Правда?

А я думала, вчера я услышала разговор, который должна была услышать раньше всех.

— Тая.

— Не начинай с этого тона.

Он чуть прищурился.

— С какого?

— С терпеливого. Будто я сейчас капризная, а ты взрослый.

Гордей молчал несколько секунд, потом сел.

— Хорошо. Давай без тонов.

Он жестом указал на кресло напротив.

Таисия подошла и села.

Не на край.

Глубоко, ровно, положив руки на колени.

Гордей заметил это.

Конечно, заметил.

— Я собирался поговорить с тобой сегодня, — сказал он.

— После приема?

— Да.

— Поэтому Рената вчера уже обсуждала, что у меня нет ресурсов для войны? Его взгляд стал тяжелым.

— Рената занимается финансовыми и юридическими рисками компании.

— Я риск компании?

— Не передергивай.

— Мне вчера уже говорили, что я передергиваю. Найди другое слово.

Он выдохнул через нос.

— Ты эмоциональна.

— А, вот оно.

— Это не обвинение.

— Конечно. Это просто удобная папка, куда можно сложить все, что тебе не нравится.

Гордей наклонился вперед.

— Я хочу, чтобы мы прошли этот этап спокойно. Этот этап.

Таисия посмотрела на серую папку.

— Развод?

Он задержался на долю секунды.

— Да. Слово прозвучало не как удар. Слишком сухо. Слишком поздно. Будто решение давно существовало, а ее просто наконец допустили к оглашению.

Таисия подумала, что должна что-то почувствовать острее: крик, дрожь, слезы, желание схватиться за стол.

Но внутри было странно пусто.

Видимо, настоящая боль пришла вчера.

Сегодня осталось место для ясности.

— Открой папку, — сказал Гордей.

— Ты можешь сказать словами.

— Там все изложено точнее.

— Мне не нужна точность юристов, чтобы услышать от мужа, что он разводится со мной.

Он сжал челюсть.

— Я не хотел превращать это в сцену.

— А во что хотел?

В подписание акта приема-передачи?

— Тая, хватит.

— Нет, Гордей. Сегодня, кажется, моя очередь говорить неприятные вещи.

Он откинулся в кресле.

— Говори.

— Сначала ты. Почему? Вопрос повис между ними. Простой. Детский почти.

И поэтому самый тяжелый.

Гордей посмотрел в сторону окна.

За стеклом сад сиял утренней зеленью.

Там все было ухожено, подстрижено, полито, сохранено. Прекрасное место для семьи, если не знать, что внутри этой семьи уже идет инвентаризация.

— Мы давно не живем как муж и жена, — сказал он наконец.

Таисия кивнула.

— Дальше.

— У нас разные жизни.

— Кто их сделал разными?

— Не надо искать виноватого в одном человеке.

— Я ищу не виноватого. Я ищу честность.

Гордей посмотрел на нее.

— Хорошо. Честно. Мы устали друг от друга. Ты давно несчастлива. Я тоже.

Дети чувствуют напряжение.

Дом превратился в место, где все осторожничают.

— Поэтому ты решил забрать дом себе.

— Дом принадлежит структуре компании. Вот оно. Первый камень. Не «наш дом». Не «дом, в котором живут дети». Принадлежит структуре компании.

Таисия медленно опустила взгляд на папку.

— Значит, структура компании теперь будет разводиться со мной?

— Не надо упрощать.

— А ты не усложняй.

Дом, в котором я родила детей, выбирала каждую комнату, в котором десять лет принимала твоих партнеров, принадлежит структуре компании. Бизнес, который начинался на моей земле, принадлежит тебе.

Дети, я так понимаю, тоже будут жить там, где удобнее структуре?

— Дети будут жить там, где им стабильнее.

— С тобой.

— В этом доме.

— С тобой, — повторила она.

Гордей открыл папку и достал первый лист.

— Я предлагаю разумные условия.

— Я уже слышала это слово вчера. Структура, разумные условия, привычная среда.

У вас хороший набор.

— У нас?

— У тебя и Ренаты. Его лицо стало холоднее.

— Не впутывай Ренату.

Таисия внимательно посмотрела на него.

Вот и ответ.

Не «между мной и Ренатой ничего нет».

Не «она тут ни при чем».

Не «ты ошибаешься».

Не впутывай.

Значит, она уже внутри.

Так глубоко, что ее надо защищать.

— Она сама впуталась, — сказала Таисия.

— В мой дом, в мои документы, в моих детей.

— Рената не имеет отношения к детям.

— Правда? Тогда почему она вчера обсуждала, где они будут жить?

Гордей отложил лист.

— Потому что любая договоренность имеет финансовые последствия. Школа, охрана, персонал, медицинские программы, обслуживание дома.

— Ты сейчас правда перечисляешь детей как расходную часть?

— Я перечисляю то, что обеспечивает их жизнь.

— Их жизнь обеспечиваю не только ячейкой бюджета.

Он чуть повысил голос:

— А чем? Твоей обидой? Твоим желанием доказать, что тебя недооценили? Ты понимаешь, что Марта и Савелий привыкли к определенному уровню?

К школе, к дому, к людям рядом, к безопасности. Я не хочу ломать их мир только потому, что тебе нужно символическое равенство.

Таисия молчала.

Не потому, что нечего было ответить.

Потому что, если бы она сказала сразу, голос мог дрогнуть.

Гордей принял ее молчание за слабость и продолжил уже спокойнее:

— Я не собираюсь лишать тебя детей. Это абсурд.

У тебя будет график.

Выходные, каникулы, любые разумные договоренности. Я готов оплачивать квартиру рядом, чтобы тебе было удобно.

Машина остается у тебя.

Содержание — на год, возможно, на два, если ты не будешь затягивать процесс. Ты сможешь спокойно устроить свою жизнь.

— Как великодушно.

— Это справедливо.

Она подняла глаза.

— Нет, Гордей. Это удобно. Для тебя. Не путай.

Он взял лист и положил перед ней.

— Прочитай.

Таисия не коснулась бумаги.

Она смотрела на верхние строки. «Соглашение о расторжении брака и порядке осуществления родительских прав».

Родительских прав.

Так сухо называлось то, что Савелий утром спросил словами: «Бумажка может сказать, что нет?» Таисия заставила себя читать. Квартира в жилом комплексе «Белый сад». Площадь сто двадцать восемь квадратных метров.

Право проживания с последующим оформлением после выполнения условий соглашения.

После выполнения условий.

Содержание.

Автомобиль.

Компенсационная выплата.

Пункт о неразглашении.

Пункт об отсутствии имущественных претензий. Пункт о подтверждении, что Таисия Вереснева не участвовала в управлении, создании и финансировании активов группы «Вереснев и Север» и связанных структур. Вот здесь она впервые протянула руку и коснулась листа.

Пальцы стали холодными.

— Ты хочешь, чтобы я это подписала?

— Это стандартная формулировка.

— Не называй ложь стандартной формулировкой.

— Юридически ты не участвовала в управлении компанией.

— Юридически меня оттуда вывели.
— Тебя никто не выводил.
— Потому что сначала никто не вписал?
Он молчал.
Таисия перевернула страницу.
Порядок проживания детей.
Преимущественное место проживания несовершеннолетних Марты Гордеевны Вересневой и Савелия Гордеевича Вереснева определяется по адресу проживания отца.
Отца.
Мать имеет право. Право.
Как будто материнство было гостевым пропуском, который можно выдавать по согласованию с охраной.
Она дочитала не все.
Не смогла.
Не из слабости, а потому что уже поняла главное.
Гордей предлагал ей не развод.
Он предлагал ей аккуратно исчезнуть.
С компенсацией.
— Почему дети с тобой? — спросила она.
— Я уже объяснил.
— Нет. Ты объяснил про дом, школу и персонал. Я спрашиваю: почему дети с тобой?
Он провел ладонью по столу, будто разглаживал невидимую складку.
— Потому что ты сейчас не в том состоянии, чтобы обеспечить им стабильность.
Таисия тихо рассмеялась.
Смех получился короткий, чужой.
— Вот как.
— Не надо слышать в этом оскорбление.
— А что мне в этом слышать? Заботу?
— Реальность.
— Чью?
— Общую.
— У тебя удивительный талант, Гордей. Все, что выгодно тебе, ты называешь общим.
Он встал.
— Я не враг тебе.
— Нет. Враг хотя бы не приходит под видом заботы. Его глаза потемнели.
— Осторожнее.
— А то что?
— Не заставляй меня действовать жестче.
В кабинете стало тихо.
Так тихо, что Таисия услышала, как за дверью где-то далеко звякнула посуда.
Дом жил.
Завтрак убирали.
Водитель, наверное, уже ждал Марту.
Савелий искал тетрадь в машине.
Лариса Ивановна обсуждала с поваром обед. Обычная жизнь продолжалась за дверью, пока здесь, за ореховым столом, ее разрезали на части.
— Вот теперь честно, — сказала Таисия.
Гордей отвернулся к окну.
— Я не хотел этой войны.

— Зато подготовился.
Он резко повернулся.
— Потому что я знал, что ты воспримешь все болезненно.
— Развод? Или то, что ты хочешь оставить меня без дома, бизнеса и детей?
— Никто не оставляет тебя без детей.
— В твоих бумагах я — приложение к выходным.
— Это временная конструкция.
— Для кого временная? Для меня? Для детей? Или до тех пор, пока они привыкнут, что мама живет отдельно и приходит по графику?
— Ты драматизируешь.
— Я читаю.
Она подняла лист.
— Здесь написано достаточно.
Гордей подошел к столу, оперся руками о край и наклонился к ней.
— Послушай меня внимательно. Я предлагаю тебе вариант, при котором ты не теряешь лицо.
У тебя будет жилье, деньги, привычный уровень жизни.
Дети не окажутся посреди хаоса.
Компания не пострадает.
Все пройдет достойно.
Таисия смотрела на его руки.
Сильные.
Красивые.
Ухоженные.
Эти руки когда-то держали ее ладони в старом нотариальном коридоре, когда она подписывала документы по бабушкиной мастерской.
Он тогда шепнул: «Это временно, Тая.
Ты же знаешь.
Все наше». —
Все наше.
Какое короткое слово.
Наше.
Еще короче, чем мы.
— А моя доля в первом проекте? — спросила она.
Гордей медленно выпрямился.
— Что?
— Ты слышал.
— Не начинай эту тему.
— Почему?
— Потому что это бессмысленно.
— Для тебя?
— Для всех.
— Опять для всех.
Она положила лист на стол.
— Где в соглашении указано то, что я вложила в первый проект?
— Нигде.
— Почему?
— Потому что ты ничего не вкладывала юридически.
— Я вложила мастерскую бабушки.

— Она была передана в рамках сделки.
— Которую ты называл временной.
— Ты подписала документы добровольно.
— Я подписала их, потому что верила мужу.
— Вера не является основанием для доли в компании.

Он сказал это резко.

Слишком резко.

И сам понял.

Молчание после этой фразы стало другим.

Не просто тяжелым.

Окончательным.

Таисия смотрела на него, и с каждой секундой лицо Гордея будто отдалялось. Еще вчера, даже после услышанного разговора, где-то глубоко жила глупая, стыдная надежда: может, он запутался.

Может, его подвели юристы.

Может, Рената настояла.

Может, он не до конца понимает, как это выглядит.

Теперь он все сказал сам.

Вера не является основанием.

Вот и вся история их брака.

Она верила.

Он оформлял.

— Повтори, — попросила Таисия.

Гордей отвел взгляд.

— Не надо.

— Нет. Повтори. Я хочу запомнить правильно.

— Тая.

— Повтори, Гордей.

Он сжал губы.

— Я сказал юридический факт.

— Нет. Ты сказал правду о себе.

Он поморщился.

— Не превращай это в дешевую драму.

— Не получится.

У нас дорогая.

Она поднялась.

Гордей смотрел на нее настороженно.

— Сядь. Мы не закончили.

— А мне кажется, наконец начали.

— Таисия. Полное имя.

Он всегда называл ее так, когда хотел поставить на место.

Раньше это работало.

Она остановилась у кресла, но не села.

— Вчера на экране показывали историю твоей компании, — сказала она.

— Там не было меня.

— Ролик делали пиарщики.

— Конечно. Ролики всегда делают пиарщики. Документы — юристы. Слухи — источники. Решения — обстоятельства.

У тебя в жизни все делают какие-то люди, Гордей.

А ты просто оказываешься рядом, когда уже удобно.

— Это несправедливо.

— Нет. Несправедливо — это когда женщина продает наследство, чтобы спасти первый проект мужа, а через десять лет слышит, что вера не является основанием для доли.

Он ударил ладонью по столу.

Не сильно.

Но звук получился резким.

— Хватит.

Таисия не вздрогнула.

И это, кажется, удивило его больше всего.

— Ты не понимаешь последствий, — сказал он.

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь. Если ты начнешь спорить, это затронет не только нас. Это затронет компанию, партнеров, детей, твою репутацию. Любая грязь выйдет наружу. Тебе будет больно.

— Мне уже больно.

— Будет хуже.

— Возможно.

— И ради чего?

— Ради того, чтобы мои дети однажды не прочитали в бумагах, что их мать была удобным приложением к твоему дому.

Гордей замолчал.

Вот это попало.

Она увидела.

Не в сердце.

Может быть, до сердца у него сейчас было не добраться.

Но в отцовство — да.

На секунду.

Потом он снова закрылся.

— Не используй детей.

Таисия почти устало улыбнулась.

— Это ты написал их место проживания в соглашении, не спросив меня. Не я.

Он медленно обошел стол и встал ближе.

Слишком близко.

Раньше его близость могла сбить ее с мысли. Даже в худшие периоды брака тело помнило, что этот человек был ее мужем. Что она любила его запах после душа, тепло ладони на пояснице, усталую тяжесть головы у нее на коленях в редкие вечера, когда он позволял себе быть не главой компании, а просто мужчиной, который дошел до предела.

Сейчас близость не согрела.

Только напомнила, как много власти она сама ему отдала.

— Я не хочу тебя уничтожать, — сказал Гордей тихо.

— Как великодушно.

— Я говорю серьезно.

— И я.

— У тебя нет команды. Нет опыта судебных войн. Нет доступа к активам. Нет денег, сравнимых с моими. То, что ты считаешь доказательствами, может оказаться набором старых бумаг и обид. Я предлагаю тебе уйти достойно.

— Уйти?

— Начать заново.

— С квартиры, которую ты мне разрешишь получить после выполнения условий? С детьми по графику? С подписью под тем, что я никогда ни в чем не участвовала?

— Это лучший вариант.

— Для тебя.

— Для всех.

Таисия медленно покачала головой.

— Нет.

Гордей будто не сразу понял.

— Что нет?

— Я не подпишу.

Он смотрел на нее несколько секунд.

Потом его лицо стало почти спокойным.

Даже слишком.

— Ты сейчас злишься.

— Да.

— Поэтому не можешь оценить предложение.

— Я оценила.

— Возьми несколько дней.

— Зачем?

— Чтобы прийти в себя.

Таисия посмотрела ему прямо в глаза.

— Я как раз пришла в себя, Гордей. Впервые за много лет.

Он усмехнулся без улыбки.

— Лида уже успела тебе что-то наговорить?

— При чем здесь Лида?

— Она всегда считала, что я тебя подавляю.

— А ты не подавлял?

— Я обеспечивал семью.

— Иногда это одно и то же, если обеспечивающий считает остальных собственностью.

Его взгляд стал жестким.

— Ты переходишь границы.

— Мои границы ты уже разложил по пунктам соглашения.

Он резко взял папку, достал еще несколько листов и положил перед ней.

— Здесь полный пакет. Возьми. Прочитай с юристом, если тебе так спокойнее. Я не против консультации.

Но я не советую тебе идти в конфликт.

— Потому что проиграю?

— Потому что пострадают дети.

— Не прикрывайся ими.

— Я защищаю их.

— От меня?

Он не ответил сразу.

И этого хватило.

Таисия почувствовала, как внутри что-то оборвалось окончательно.

Не любовь.

Любовь, наверное, умирает не сразу.

Она долго лежит где-то внутри, больная, упрямая, униженная, даже когда ей уже нечем дышать. Оборвалась надежда, что Гордей остановится сам.

Он не остановится.

Его придется остановить.

— Спасибо, — сказала она.

Он нахмурился.

— За что?

— За честность. Пусть и случайную.

— Тая— Не называй меня так сейчас.

Гордей замер.

Это было маленькое слово.

Но она впервые забрала его у него.

Тая принадлежала молодому Гордею под дождем, бабушкиной мастерской, ночным сметам, первому макету, обещанию «все будет наше». Мужчина с ореховым столом и готовым соглашением не имел права на это имя.

— Хорошо, — сказал он после паузы.

— Таисия.

— Вот теперь правильно.

Она взяла папку.

Не потому, что соглашалась.

Потому что хотела увидеть все, чем он собирался ее стереть.

— Я заберу это.

— Разумно.

— И покажу адвокату.

Он коротко кивнул.

— Я ожидал.

— Уверена. Ты вообще много всего ожидал.

Она направилась к двери.

— Таисия.

Она остановилась, но не обернулась.

— Что?

— Я правда не хочу войны.

Таисия медленно повернулась.

Гордей стоял у стола, за которым решил судьбу их дома, детей, ее прошлого и будущего.

Красивый.

Сильный.

Уверенный настолько, что даже сейчас принимал собственное давление за миролюбие.

— Тогда не надо было начинать ее без меня, — сказала она. Его лицо снова стало закрытым.

— После развода ты будешь обеспечена.

— После развода я буду матерью своих детей.

И женщиной, которая помнит, где началась твоя компания.

Он посмотрел на нее холодно.

— Не заставляй меня доказывать, что память — это не право.

Таисия открыла дверь.

На пороге она все-таки обернулась.

— А ты не заставляй меня доказывать, что я была не мебелью в твоём доме.

Она вышла.

В коридоре было светло и тихо.

Слишком тихо для дома, в котором только что началась война.

Таисия прижала папку к груди и вдруг поняла, что руки у нее не дрожат.

Совсем.

На лестнице слышались быстрые шаги.

Марта спускалась вниз с рюкзаком за плечом. Увидела мать с папкой, остановилась на середине лестницы.

— Что это?

Таисия посмотрела на дочь.

Еще вчера она, возможно, спрятала бы папку за спину.

Сказала бы: «Ничего, взрослые бумаги».

Улыбнулась бы.

Защитила бы ребенка от правды так, как ее саму только что пытались защитить от ее собственной жизни.

Но теперь она знала: ложь не защищает.

Ложь просто заранее выбирает, кому потом будет больнее.

— Документы, — сказала она.

Марта напряглась.

— Вы разводитесь? Вопрос прозвучал слишком прямо. Значит, она уже знала. Не полностью, но достаточно.

Таисия поднялась к ней на несколько ступеней.

— Папа хочет развода.

Марта побледнела.

— А ты?

Таисия не сразу ответила.

Потому что в этом «а ты?» было все: страх, надежда, обвинение, просьба не ломать мир.

— А я хочу, чтобы нас с тобой и Савелием никто не делил как вещи.

Марта моргнула.

— Папа так не делает.

— Я очень надеюсь, что он вспомнит, как не делать так.

— Ты опять говоришь про него плохо.

— Я говорю осторожно.

— Нет, ты хочешь, чтобы я была против него.

— Нет. Я хочу, чтобы ты не была против себя. Дочь не поняла. Или поняла, но испугалась.

Внизу появился водитель.

— Марта Гордеевна, машина готова.

Марта быстро отвернулась.

— Я опаздываю.

Она сбежала по лестнице мимо Таисии, почти задев плечом.

Таисия не остановила ее.

Иногда нельзя удерживать ребенка руками, если хочешь, чтобы он однажды вернулся сам.

Дверь хлопнула внизу.

Из кабинета вышел Гордей.

Они встретились взглядами через холл.

Он слышал.

Конечно, слышал.

— Не надо говорить с ней в таком ключе, — сказал он.

Таисия посмотрела на него спокойно.

— Тогда в следующий раз скажи ей правду первым. Не удобную версию.

Он спустился на несколько ступеней.

— Я сказал ей достаточно для ее возраста.

— Ты сказал ей достаточно для своей позиции.

— Таисия, не воюй через детей.

Она усмехнулась.

— Забавно. Это звучит почти как фраза из твоего ходатайства.

— Какого ходатайства?

Он спросил слишком быстро.

И опять выдал себя.

Таисия сжала папку крепче.

— Значит, оно уже есть.

Гордей молчал.

Теперь в его молчании была ошибка.

Первая за утро.

— Спасибо, — сказала она.

— Еще одна полезная деталь.

— Ты ничего не выиграешь этим тоном.

— Я не играю.

Она пошла вверх, в сторону спальни.

— Куда ты?

— Читать.

— Здесь?

— В своем доме.

Он хотел ответить, но она уже поднялась выше.

У двери спальни Таисия остановилась и посмотрела на коридор. Семейные фотографии стояли на узкой консоли: Марта с первым букетом на школьной линейке, Савелий в смешной шапке с ушами, Гордей и Таисия на открытии второго объекта, вся семья у моря. Все эти снимки были доказательствами другой жизни.

Но не юридическими.

Она вошла в спальню, закрыла дверь и положила папку на кровать.

Светло-серая обложка раскрылась легко.

Слишком легко для вещи, внутри которой лежало чье-то исчезновение.

Таисия достала телефон.

Пальцы сами нашли контакт Лиды.

Подруга ответила почти сразу.

— Ты жива после вашего парада богатых лиц?

Таисия села на край кровати.

— Лида. Пауза.

— Что случилось?

Таисия посмотрела на первый лист соглашения.

— Он подал на развод.

На другом конце стало тихо.

Потом Лида спросила уже совсем другим голосом:

— Ты где?

— Дома.

— Он рядом?

— В кабинете.

— Дети?

— Марта уехала.

Савелий еще дома.

— Что в документах?

Таисия закрыла глаза.

— Меня нет.

— Что значит — нет?

— Значит, дом не мой. Бизнес не мой. Первый проект не мой.

Дети должны жить преимущественно с ним.

А я должна подписать, что ни на что не претендую и никогда ни в чем не участвовала.

Лида выругалась коротко и грязно.

Таисия даже не поморщилась.

Иногда честное слово, пусть и грубое, звучало чище вежливого предательства.

— Слушай меня, — сказала Лида.

— Ничего не подписывай. Вообще ничего. Даже открытку на день рождения его бухгалтерше не подписывай. Ты поняла?

— Поняла.

— У тебя что-то осталось по мастерской?

Таисия посмотрела на шкаф.

На дальнюю верхнюю полку, где много лет лежали коробки с вещами, которые она не разбирала после переезда.

Старые альбомы.

Чертежи.

Папки.

Какие-то письма бабушки.

Возможно, ничего важного.

Возможно, все важное.

— Не знаю.

— Вспоминай.

— Я помню синюю папку.

— Где?

— Не уверена. Часть вещей у нас. Часть после ремонта увезли к тебе в кладовку.

— Я найду ключи.

— Лида— Что?

Таисия открыла глаза.

— Мне страшно.

На этот раз подруга не стала говорить «держись».

И правильно.

Таисия ненавидела это слово.

За ним часто пряталось бессилие тех, кто не знает, чем помочь.

Лида сказала:

— Конечно, страшно. Тебя десять лет убеждали, что пол под ногами принадлежит не тебе.

А теперь пытаются выдернуть и его.

Но страх — это не подпись, Тая.

Пока ты не подписала, они не закончили.

Таисия медленно выдохнула.

— Он сказал, что вера не является основанием для доли.

— Прекрасно.

— Что прекрасного?

— То, что он дурак.

— Лида.

— Нет, серьезно. Мужчина, который говорит такие вещи вслух, когда рядом женщина с хорошей памятью, — сам себе враг. Запоминай каждую фразу. Записывай даты. Фотографируй документы.

И найди адвоката не из тех, кто улыбается его фамилии.

— У тебя есть кто-то?

— Есть.

Аркадий Норин. Неприятный тип, но мозги как скальпель.

Он разводил людей, которые думали, что у них вместо закона личная охрана.

Таисия почти улыбнулась.

— Звучит обнадеживающе.

— Нет. Обнадеживающе будет, когда мы найдем синюю папку.

А пока сфотографируй все документы.

Все страницы.

Даже скучные.

Особенно скучные.

Поняла?

— Да.

— И Тая?

— Что?

— Не плачь при нем.

Таисия посмотрела на дверь.

За ней был дом.

Ее дом и не ее дом.

Муж, который уже мысленно переселил ее в другую квартиру.

Дети, которых собирались назвать стабильностью. Стены, которые помнили ее голос, но не могли выступить свидетелями.

— Не буду, — сказала она.

— Плачь потом у меня. Я куплю вино, пироги и, возможно, бейсбольную битку. Последнее — просто для настроения.

— Без биты.

— Посмотрим по поведению Гордея Аркадьевича.

Таисия отключила звонок.

Потом открыла камеру и начала фотографировать документы.

Страница за страницей.

Компенсация.

Содержание.

Квартира.

Неразглашение.

Отсутствие претензий.

Подтверждение неучастия.

Порядок общения с детьми.

Преимущественное проживание с отцом.

Она фотографировала медленно, ровно, без дрожи. Каждый снимок был маленьким сопротивлением.

На последней странице стояло место для подписи.

Таисия Вереснева.

Рядом пустая линия.

Она смотрела на нее долго.

Вот куда ее собирались поместить.

Не в историю компании.

Не в дом.

Не в право на детей.

В пустую строку под отказом от себя.

Из коридора донесся голос Савелия:

— Мам?

Таисия быстро закрыла папку и вышла.

Сын стоял у двери с тетрадью в руках.

— Я нашел.

Она была не в машине, а под креслом.

— Молодец.

Он посмотрел на ее лицо.

— Ты плакала?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

Он подумал и протянул ей тетрадь.

— Смотри.

На обложке детской рукой было написано: «Савелий Вереснев.

Домашние задания».

Фамилия.

Опять фамилия.

Таисия присела перед сыном.

— Красиво написал.

— Я сам.

— Вижу.

Он помолчал.

— А если у тебя будет другой дом, я смогу там написать свою фамилию? Вопрос ударил сильнее любого пункта соглашения.

Таисия взяла его маленькие руки в свои.

— Ты сможешь написать свою фамилию там, где будешь чувствовать себя дома.

— А ты?

— И я.

— А папа?

Она провела большим пальцем по его ладони.

— Папа тоже.

Савелий кивнул, но видно было, что это слишком сложная математика для семилетнего человека. Внизу позвали:

— Савелий Гордеевич, пора ехать.

Он дернулся, потом вдруг обнял Таисию за шею.

Сильно.

Почти больно.

— Не уходи, пока меня нет.

Она обняла его в ответ.

— Я буду здесь.

— Обещаешь?

Таисия закрыла глаза.

— Обещаю.

Он побежал вниз.

Она слушала его шаги, пока они не стихли. Потом вернулась в спальню, взяла серую папку и подошла к зеркалу.

Женщина напротив выглядела собранной.

Темно-синее платье.

Убранные волосы.

Бледное лицо.

Обручальное кольцо на руке.

Не брошенная жена.

Пока еще нет.

Не женщина, которой предложили уйти тихо.

Не приложение к чужой стабильности.

Таисия Вереснева.

Таисия Ладанова.

Женщина, которую не вписали в документы.

Женщина, которая еще могла найти свои.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Гордея. «Вечером продолжим. Прошу тебя не принимать поспешных решений».

Таисия посмотрела на экран.

Потом набрала ответ. «Я уже слишком долго не принимала никаких».

Отправила.

Через несколько секунд появились три точки.

Исчезли.

Появились снова.

И снова исчезли.

Гордей ничего не ответил.

Таисия убрала телефон, взяла папку и открыла верхний шкаф. Старые коробки стояли там, куда их убрали после переезда: аккуратно, высоко, почти недоступно. Как будто прошлое можно было поставить на полку и решить, что оно больше не вмешается.

Она потянулась к первой коробке.

Крышка была покрыта тонкой пылью.

На боку выцветшим маркером было написано: «Тая.

Старое.

Не срочно».

Таисия поставила коробку на пол.

Опустилась рядом.

И впервые за утро улыбнулась по-настоящему.

Не срочно.

Как смешно.

Оказалось, в ее жизни не было ничего срочнее старого.

Она открыла коробку.

Сверху лежали фотографии, пожелтевшие чертежи, студенческий альбом и засохшая веточка лаванды, завернутая в салфетку.

Синей папки там не было.

Но на дне, между двумя старыми блокнотами, Таисия нашла маленький ключ.

Не от сейфа.

Не от банковской ячейки.

Старый латунный ключ с биркой, на которой бабушкиным почерком было написано: «Мастерская».

Верхний шкаф.

Не отдавать никому, кроме Таи».

Таисия закрыла пальцы вокруг ключа.

И в этот момент впервые за последние сутки почувствовала не только страх.

Еще злость.

Чистую.

Тихую.

Живую.

Ту самую, из которой иногда начинается спасение.

ГЛАВА 2. Комната, которую уже освободили

Латунный ключ оказался тяжелее, чем должен был быть.

Таисия держала его в ладони, сидя на полу гардеробной, и смотрела на бирку с бабушкиным почерком так долго, что буквы начали расплываться. «Мастерская.

Верхний шкаф.

Не отдавать никому, кроме Таи».

Не «Таисии».

Не «внучке».

Именно Таи.

Бабушка всегда называла ее так в те годы, когда Гордей еще не имел права на это имя. Когда мастерская на окраине города была не активом, не объектом под реконструкцию, не землей с перспективой развития, а странным, теплым, пыльным местом, где бабушка хранила старые рамы, обрезки ткани, банки с гвоздями и чужие вещи, которые почему-то не могла выбросить.

Таисия помнила верхний шкаф.

Высокий, темный, с облупившимся лаком.

До верхней полки приходилось вставать на табурет, и бабушка каждый раз ворчала:

— Не тянись, Тая. Сначала поставь ноги крепко, потом уже руки поднимай. Тогда это звучало как забота о ребенке. Теперь — как инструкция к жизни. Сначала поставь ноги крепко. Потом поднимай руки.

Она сжала ключ так сильно, что зубцы впились в кожу.

Внизу хлопнула дверь.

Потом раздался голос Гордея.

Приглашенный, далекий, но узнаваемый по ровной низкой интонации.

Он говорил с кем-то в холле.

Таисия положила ключ в маленький внутренний карман сумки.

Не в шкатулку.

Не в ящик.

Не туда, где вещи обычно остаются ждать своего часа.

Этот час уже пришел.

Она поднялась с пола, закрыла коробку и поставила ее не обратно наверх, а у стены. Потом взяла серую папку с соглашением и вышла из гардеробной.

В спальне было слишком аккуратно.

Так аккуратно, будто в ней давно никто не жил, а только приходил ночевать по расписанию. Одеяло выровнено, подушки взбиты, на прикроватной тумбе Гордея не осталось ни часов, ни книги, ни стакана с водой.

Таисия остановилась.

Она не сразу поняла, что изменилось.

Потом поняла.

На его тумбе не было ничего.

Совсем.

Раньше там всегда лежала хотя бы мелочь: запонки, телефонная зарядка, ручка, папка с документами, иногда книга, которую он брал в руки перед сном и почти сразу закрывал.

Гордей не любил беспорядок, но его присутствие все равно оставляло след.

Теперь след убрали.

Или он убрал сам.

Таисия подошла к шкафу.

Его половина была закрыта.

Она потянула дверцу.

Пусто.

Не полностью, нет.

Несколько костюмов висели на месте.

Две рубашки, коробка с галстуками, пара туфель.

Но основное исчезло.

Гордей не просто не ночевал в спальне.

Он уже выехал из нее.

Не сообщив.

Не объяснив.

Тихо, заранее, аккуратно, как все, что он делал в последнее время.

Таисия стояла перед шкафом и смотрела на пустые плечики.

И впервые за утро ее накрыло не от документов.

От этих плечиков.

Серые, одинаковые, дорогие, они висели ровным рядом и покачивались едва заметно от движения дверцы.

На них еще оставалась форма его отсутствия.

Она закрыла шкаф.

— Замечательно, — сказала вслух.

Голос прозвучал глухо.

В коридоре послышались шаги.

Таисия повернулась.

В дверях спальни появилась Лариса Ивановна. Домработница была женщиной лет пятидесяти с лишним, сухой, аккуратной, всегда собранной.

Она работала у них шесть лет и знала дом лучше многих членов семьи: где скрипит паркет, в какой день менять цветы в кабинете, какую рубашку Гордей предпочитает для переговоров, как Марта любит, чтобы резали яблоко, и что Савелий не ест омлет, если в нем видна зелень. Сейчас Лариса Ивановна держала в руках стопку чистого белья.

Увидев Таисию, она остановилась.

— Простите, Таисия Сергеевна. Я думала, вы спустились.

— Ничего. Проходите. Домработница вошла неуверенно.

И эта неуверенность сразу сказала Таисии больше, чем любые слова.

— Лариса Ивановна.

— Да?

— Когда вещи Гордея Аркадьевича перенесли? Женщина замерла со стопкой белья у комода.

— Какие вещи?

— Не надо. Лариса Ивановна опустила глаза.

— Вчера утром. Вчера утром. До приема. До разговора за стеклянной перегородкой. До папки на столе. До того, как Таисия вообще узнала, что ее жизнь уже поделили.

— По чьей просьбе?

— Гордей Аркадьевич распорядился.

— Куда?

— В малую гостевую в восточном крыле. Восточное крыло. Комната, где обычно останавливались его деловые гости, когда прилетали поздно и не хотели ехать в город. Хорошая комната. Просторная. С отдельной ванной. С видом на сосны. Комната, где не было ни одной их общей фотографии.

— Понятно, — сказала Таисия. Лариса Ивановна сжала белье.

— Таисия Сергеевна, я не знала— Что именно? Женщина подняла взгляд.

В ее лице было смущение, страх потерять работу и человеческая жалость, которую она пыталась спрятать из уважения.

— Что все так.

Таисия вдруг устала.

Очень.

Не от Ларисы Ивановны.

От необходимости держать лицо даже перед людьми, которым и так уже приказали передвигать ее жизнь по комнатам.

— А как вам сказали?

— Что Гордей Аркадьевич временно будет работать и ночевать отдельно. Что вам нужен покой. Покой. Как красиво. Ее переселяли из собственной жизни под видом заботы о ее нервах.

— Покой, — повторила Таисия. Лариса Ивановна молчала.

— Еще какие распоряжения были?

— Таисия Сергеевна— Я спрашиваю спокойно.

— Гордей Аркадьевич сказал подготовить гостевую спальню и часть гардеробной рядом для ваших вещей.

Внутри что-то остановилось.

— Для моих?

— Да.

— Когда?

— Сегодня после обеда.

Но я еще ничего не делала.

Таисия медленно вдохнула.

— Значит, сначала он освободил нашу спальню для себя, а потом собирался освободить ее от меня.

— Я не знаю, как правильно— Никак, Лариса Ивановна. Здесь нет правильного для вас. Здесь есть распоряжения. Домработница смотрела в пол.

— Не переносите мои вещи.

— Но если Гордей Аркадьевич— Лариса Ивановна. Женщина подняла глаза.

— Не переносите мои вещи, — повторила Таисия.

— Ни одну блузку. Ни одну книгу. Ни одну фотографию. Если кто-то будет настаивать, скажите, что я запретила.

— Хорошо.

— И еще.

— Да?

— Если в доме будут искать старые коробки, папки, альбомы, мои вещи — вы сразу скажете мне. Лариса Ивановна побледнела.

— Искать?

— Да.

— Таисия Сергеевна, я Она не договорила.

И по этой недосказанности Таисия поняла: уже искали.

— Кто? — спросила она. Лариса Ивановна поставила белье на край кровати. Аккуратно, потому что даже в смятении не могла положить вещь небрежно.

— Я не уверена.

— Лариса Ивановна.

— Неделю назад приезжала Рената Викторовна.

Гордей Аркадьевич был дома.

Они работали в кабинете.

Потом он попросил меня принести чай, а когда я возвращалась, Рената Викторовна вышла из кладовой у малой лестницы.

Кладовая у малой лестницы.

Там стояли коробки с частью старых вещей после ремонта.

Таисия почувствовала, как ключ в сумке будто стал еще тяжелее.

— Она что-то несла?

— Папку. Или блокнот. Я не разглядела.

— Какого цвета? Лариса Ивановна закрыла глаза, вспоминая.

— Кажется, синюю. Синюю.

Таисия не пошевелилась.

Синяя папка бабушки.

Та самая, о которой она сказала Лиде.

Та самая, которую Гордей мог считать уничтоженной или спрятанной.

Таисия медленно повернулась к окну.

За стеклом сад был все так же безупречен. Солнце уже поднялось выше, свет ложился на газон ровно, без теней.

А внутри дома неделю назад чужая женщина выходила из кладовой с синей папкой.

— Спасибо, — сказала Таисия.

— Простите.

— Вам не за что просить прощения.

— Я должна была сказать.

— Вы не знали, что это важно.

— Я поняла, что это странно.

Таисия посмотрела на нее.

Лариса Ивановна стояла у кровати, сжав руки перед собой.

В ней не было преданности как в книжках, где слуги вдруг становятся на сторону хозяйки.

Была обычная женская совесть, которая проснулась слишком поздно, но все же проснулась.

— Теперь это важно, — сказала Таисия.

— Очень.

— Я буду говорить вам.

— Только осторожно.

— Да. Внизу снова хлопнула дверь. Потом раздался голос водителя. Потом короткий ответ Гордея.

Он еще не уехал.

Таисия взяла серую папку и пошла к выходу.

— Таисия Сергеевна, — тихо позвала Лариса Ивановна.

— Да?

— Вашу комнату если все-таки прикажут готовить какую?

Таисия остановилась.

Какой простой вопрос.

Какую комнату назначить женщине, которую собираются вынести из брака, но пока не успели вынести из дома?

— Никакую, — ответила она.

— У меня уже есть комната.

И вышла.

Гордей был в холле.

Он стоял у консольного столика, застегивая часы на запястье. Рядом — водитель с папкой документов и охранник, который делал вид, что смотрит в телефон. Когда Таисия спусти-

лась, оба мужчины почти одновременно стали невидимыми: водитель шагнул назад, охранник отвернулся.

Гордей поднял взгляд.

— Ты уже закончила читать?

— Нет. Только начала понимать.

Он посмотрел на папку в ее руках.

— Хорошо. Прочитай внимательно.

— Я прочитаю не только это.

— Что значит?

Таисия подошла к нему ближе.

— Когда ты собирался сказать мне, что перенес вещи в гостевую? Охранник окончательно повернулся к окну. Водитель опустил глаза.

Гордей не смутился.

Конечно, нет.

— Я временно сплю отдельно. Думаю, так будет спокойнее.

— Для кого?

— Для всех.

Она почти улыбнулась.

— Твое любимое слово сегодня.

— Ты опять начинаешь?

— Я еще не начинала. Просто уточняю. Мои вещи тоже собирались перенести сегодня после обеда?

Гордей посмотрел на лестницу.

На секунду.

И этого было достаточно.

— Я хотел освободить тебе более удобное пространство.

— В нашем доме?

— В этом доме много комнат.

— Кроме моей собственной, как выяснилось.

— Ты цепляешься за форму.

— Нет.

За смысл.

Ты не поговорил со мной.

Ты не сказал детям правду.

Ты перенес свои вещи.

Подготовил документы.

Дал указания персоналу.

Решил, где я буду спать, где будут жить дети, что мне можно получить после выполнения условий.

Гордей, в твоём разводе уже все есть.

Кроме меня.

Он молчал.

Водитель нервно переложил папку из одной руки в другую.

Гордей бросил на него короткий взгляд.

— Подождите в машине.

— Да, Гордей Аркадьевич. Охранник тоже вышел. Дверь закрылась.

В холле остались они вдвоем.

Над лестницей висела большая люстра.

Таисия сама выбирала ее в мастерской одного итальянского дизайнера, спорила с декоратором, потому что та хотела поставить что-то более массивное, «статусное».

Гордей тогда сказал: «Пусть будет как ты хочешь.

Это же твой дом».

Твой дом.

Все самые опасные обещания в ее жизни, кажется, произносились тихо и между делом.

— Я не хотел унижать тебя, — сказал Гордей.

— А получилось.

— Мне нужно было организовать процесс.

— Семья — не процесс.

— Когда семья заканчивается, остается процесс.

Таисия посмотрела на него.

— Ты правда так думаешь?

Он не ответил сразу.

И это молчание было честнее многих его фраз.

— Я думаю, что хаос хуже, — сказал он наконец.

— Нет. Ты думаешь, что хаос — это все, чем управляешь не ты.

Гордей провел ладонью по лицу.

Впервые за утро она увидела в нем усталость.

Настоящую, не деловую.

Но жалости не появилось.

Не потому, что она стала жестокой, а потому что слишком часто путала его усталость со своей обязанностью уступить.

— Послушай, — сказал он ниже.

— Я понимаю, что это больно.

— Не уверена.

— Понимаю.

— Нет, Гордей. Ты понимаешь, что это неприятно. Что я могу осложнить тебе квартал, сделку, репутацию. Ты понимаешь риски. Боль — нет.

Он сжал губы.

— Я уезжаю на встречу. Вечером продолжим.

— Я вечером буду у Лиды.

— Зачем?

— За своими вещами.

— Какими? Слишком быстро. Снова.

Таисия смотрела на него спокойно.

— Старыми.

— Таисия, сейчас не время перебирать прошлое.

— Как раз время.

— Я не хочу, чтобы ты накручивала себя с Лидой.

— Ты не хочешь, чтобы я что-то нашла. Его взгляд стал неподвижным.

— Что ты хочешь найти?

— Себя. Для начала.

Он усмехнулся.

— Красиво.

— Не для тебя стараюсь.

Гордей шагнул ближе.

— Не делай глупостей.

— Поздно. Я десять лет делала одну большую.

Он замолчал.
Эта фраза попала глубже, чем она ожидала.
В его глазах мелькнуло что-то похожее на боль.
Не обида даже.
Потеря.
Но он тут же спрятал это за привычной жесткостью.
— Если ты сейчас настроишь себя против меня, назад будет трудно.
— Назад куда?
Он не ответил.
Таисия ждала.
Ей вдруг стало важно, чтобы он сам услышал пустоту этой фразы.
Назад.
В спальню, из которой он уже вынес свои вещи?
К столу, где лежит соглашение о ее исчезновении?
В роль женщины, которая улыбается рядом с семейным портретом, пока за спиной говорят, что ее нет в документах?
— Мне пора, — сказал Гордей.
— Конечно.
Он взял пальто со стойки.
Раньше Таисия подала бы ему шарф.
Спросила бы, будет ли он ужинать дома.
Напомнила бы, что у Савелия сегодня логопед, у Марты контрольная, а в воскресенье они обещали детям поездку за город.
Теперь она просто стояла.
Гордей это заметил.
Он почти всегда замечал то, что менялось в порядке вещей.
— Я пришлю водителя, если тебе нужно будет к Лиде.
— Не надо.
— Ты сама поедешь?
— Да.
— На чем?
— На машине.
— В таком состоянии?
Таисия подняла брови.
— В каком?
— Ты не спала. Ты нервничаешь.
— Значит, мне уже нельзя садиться за руль?
— Я забочусь.
— Нет. Ты контролируешь.
Он резко выдохнул.
— Делай как хочешь.
— Спасибо за разрешение.
Гордей открыл дверь.
На пороге остановился.
Не обернулся сразу.
Сначала посмотрел на улицу, где возле крыльца ждала машина.
Потом все-таки повернул голову.
— Тая.
Она молчала.

Он понял.

— Таисия. Не говори сегодня с детьми о документах.

— А ты?

— Я тоже не буду.

— Ты уже говорил.

— Я говорил общие вещи.

— Именно поэтому Марта думает, что я устала от нее.

На лице Гордея мелькнуло раздражение.

— Я такого не говорил.

— Но она так услышала. Иногда важно не то, что ты произнес, а что ребенок унес с собой.

Он не ответил.

— Я вечером поговорю с ней, — сказал он после паузы.

— Нет. Мы поговорим с ней вместе.

— Это плохая идея.

— Плохая идея — делить детей до того, как они поймут, что происходит.

— Дети не должны быть внутри конфликта.

— Тогда перестань делать их частью соглашения.

Гордей смотрел на нее несколько секунд.

Потом вышел.

Дверь закрылась.

Таисия осталась в холле одна.

На самом деле, не одна.

С ней были дом, который уже переучивали жить без нее, документы в руках, ключ в сумке и странное новое чувство, будто внутри появилась твердая тонкая нить.

Очень тонкая.

Но ее нельзя было порвать обычным приказом.

Она поднялась наверх, чтобы забрать телефон, и только у двери спальни заметила: на консоли в коридоре исчезла одна фотография. Та, где они с Гордеем стояли у старой мастерской в день первой съемки для инвесторской презентации.

Она точно была здесь вчера.

Старый снимок в темной деревянной рамке. Молодой Гордей без дорогого пальто, в простой куртке, с мокрыми волосами и бешеным светом в глазах.

Таисия рядом, в черном свитере, с рулоном чертежей под мышкой.

Оба замерзшие, уставшие, живые.

Фотография была не парадной.

Поэтому Таисия любила ее больше остальных.

Теперь на ее месте стояла ваза.

Небольшая, белая, пустая.

Таисия позвала:

— Лариса Ивановна! Домработница появилась почти сразу.

— Да?

— Где фотография, которая стояла здесь? Лариса Ивановна посмотрела на консоль.

— Какая?

— Мы с Гордеем у старой мастерской. Женщина растерялась.

— Я не убирала.

— Кто убирал?

— Не знаю. Может, Марта переставила?

Она иногда — Марта не трогала эту фотографию.

Таисия открыла ближайший ящик консоли.

Пусто.

Второй.

Салфетки, свечи, запасные батарейки для пульта от гирлянды.

Третий.

Пусто.

— У нас есть камеры в коридоре? — спросила она.

— На лестнице и в холле.

В самом коридоре, кажется, нет.

— Конечно.

Дом был нашпигован охраной так, что чужой человек не мог пройти к воротам без трех взглядов камер.

Но место, где исчезали маленькие личные доказательства, оставалось слепым.

Очень удобно.

— Если найдете ее, сразу ко мне.

— Хорошо.

Таисия пошла в спальню.

Открыла шкаф, достала сумку, положила туда серую папку, ключ, телефон, зарядку. Потом задержалась у шкатулки с украшениями и неожиданно для самой себя открыла нижний ящик.

Там лежали старые серьги.

Серебряные, неровные, ручной работы.

Их подарила Лида на двадцатипятилетие, еще до свадьбы.

Гордей однажды сказал, что они «слишком простые» для вечерних выходов, и Таисия постепенно перестала их носить.

Она взяла серьги и надела.

В зеркале сразу появилось другое лицо.

Не совсем прежнее.

Но уже не только жена Гордея Вереснева.

Телефон завибрировал.

Лида. «Я нашла ключи от кладовки.

Приезжай после обеда.

И не одна, если страшно».

Таисия набрала: «Я приеду одна».

Потом стерла.

Написала: «Приеду».

Сначала заберу Савелия после логопеда».

Ответ пришел мгновенно. «Правильно.

Пусть видит, что мать не испарилась».

Таисия положила телефон в сумку и спустилась вниз. До обеда дом вел себя так, будто ничего не произошло.

Повар уточнил меню.

Садовник спросил, не перенести ли высадку гортензий к дальней террасе. Водитель, которого Гордей все-таки оставил, спросил:

— Таисия Сергеевна, машина к какому времени?

— Я сама.

— Гордей Аркадьевич просил — Я сама. Водитель замолчал.

У каждого в этом доме была привычка смотреть сначала на Гордея, даже когда рядом стояла она.

Таисия только сегодня поняла, сколько раз за день это происходило.

Кому подать машину.

Кого предупредить о гостях.

Что купить.

Куда переставить мебель.

Кому звонить, если ребенок заболел.

Формально она была хозяйкой дома.

Фактически все решения проходили через мужчину, который теперь объяснял ей, что дом ей не принадлежит.

В половине второго Таисия села за руль сама. Машина пахла кожей и детскими влажными салфетками.

На заднем сиденье валялась маленькая фигурка динозавра Савелия, которую он вечно терял и потом находил с таким восторгом, будто она возвращалась из экспедиции.

Таисия взяла динозавра и положила в подстаканник.

Потом выехала со двора.

Охранник у ворот поднял шлагбаум не сразу. Сначала наклонился к будке, что-то сказал в рацию.

Таисия опустила стекло.

— Что-то не так? Молодой охранник смутился.

— Нет, Таисия Сергеевна. Просто уточняю выезд.

— Мой выезд надо уточнять?

— У нас новое распоряжение.

— Чье?

Он побледнел.

— Я не могу— Гордея Аркадьевича? Охранник молчал.

Таисия посмотрела на шлагбаум.

— Откройте.

— Одну минуту.

— Нет. Сейчас.

Он нажал кнопку.

Шлагбаум поднялся.

Таисия выехала на дорогу и только через несколько метров поняла, что слишком крепко держит руль.

Новое распоряжение.

Теперь даже ее выезд из дома стал событием, которое надо согласовывать.

Она хотела позвонить Гордею.

Сказать все сразу.

Сорваться, потребовать, чтобы он убрал охрану из ее жизни.

Не позвонила.

Сцены проигрывают те, у кого нет плана.

Она сказала это себе вчера.

Теперь надо было учиться жить по этой фразе.

У логопеда Савелий вышел к ней с рисунком в руках.

— Мам!

Он побежал так быстро, что педагог улынулась.

— Сегодня занимался хорошо, — сказала она.

— Только немного отвлекался.

— На что?

Савелий сунул рисунок в сумку.

— Ни на что. Педагог тактично отошла к стойке администратора.

Таисия присела перед сыном.

— Покажешь рисунок?

— Потом.

— Хорошо.

— Ты сама приехала?

— Сама.

Он оглянулся на парковку.

— А водитель?

— Сегодня я водитель.

Савелий впервые за день улыбнулся.

— Можно я впереди?

— Нельзя. Тебе семь.

— А если я очень взрослый?

— Даже очень взрослые семилетние ездят сзади.

Он вздохнул с видом человека, которому трудно жить среди несправедливых законов.

В машине он долго молчал.

Потом спросил:

— Мы домой?

— Сначала заедем к тете Лиде.

— Надолго?

— Не очень.

— А папа знает?

Таисия посмотрела в зеркало заднего вида.

Савелий сидел, пристегнутый, маленький в своем синем свитере, и старательно делал вид, что спрашивает просто так.

— А почему папа должен знать?

Он пожал плечами.

— Чтобы не ругался.

— Папа не командует тем, куда мы с тобой можем поехать после занятий.

Савелий кивнул, но неуверенно.

— А он думает, что командует?

Таисия почти улыбнулась.

— Иногда да.

— А ты?

— Я думаю, что ему придется отвыкать.

Савелий посмотрел в окно.

— Это трудно?

— Очень.

— Тогда он будет злиться.

— Наверное.

— А ты?

— Я тоже.

Он повернулся к ней.

— На меня нет?

— На тебя — нет.

— На Марту?

Таисия замолчала.

Дорога перед ней блестела после утренней поливки, машины двигались медленно. Мир жил так, будто у людей в нем не исчезали комнаты, права и привычные имена.

— На Марту тоже нет, — сказала она.
— Она просто боится.
— Она сказала, что я маленький и ничего не понимаю.
— Это потому что она сама не все понимает.
— Она думает, если папа большой, то он прав.
Таисия чуть не пропустила поворот.
— Почему ты так решил?
— Она вчера сказала бабушке Эле. Что папа всегда знает, как правильно.
А ты теперь все путаешь.
Бабушка Эля.
Эльвира Павловна уже успела вложить в Марту свою часть правды.
Конечно.

В таких семьях женщины старшего поколения часто охраняют не других женщин, а стены, в которых сами когда-то научились молчать.

— А ты как думаешь? — спросила Таисия.
Савелий серьезно нахмурился.
— Я думаю, взрослые иногда делают вид, что знают.
Она не выдержала и улыбнулась.
— Умный ты мой.
— Это плохо?
— Нет.
— Папа говорит, слишком умные дети потом спорят.
— Папа сам спорил всю жизнь.
— Значит, ему можно?
— Вот именно.

Они приехали к Лиде через двадцать минут.

Лида жила в старом кирпичном доме без охраны, без мраморного холла и без людей, которые называли тебя по имени-отчеству с такой аккуратностью, будто уже знают, где твое место. Подъезд пах кофе, кошками, пылью и чьим-то жареным луком.

Таисия вдруг почувствовала странное облегчение.
Здесь было не дорого.
Зато живо.

Лида открыла дверь сразу, будто стояла за ней последние десять минут.

— Мой любимый мужчина! — сказала она Савелию.
— Ты вырос на полголовы с прошлого раза.
Савелий спрятался за Таисию, но улыбнулся.
— Я не вырос.
— Это ты так думаешь.

А я вижу.
У меня глаз точный.

— У тебя очки.
— Тем более.

Она впустила их внутрь.

Квартира Лиды была маленькой по сравнению с домом Вересневых, но в ней все имело голос: книги на подоконниках, чашки разных цветов, афиша старого спектакля на стене, кривой горшок с фикусом, который явно не собирался умирать из принципа.

— Савелий, — сказала Лида, — на кухне есть какао и печенье. Только печенье надо спасти от меня, потому что я его ем без всякого уважения.

— А можно?

— Нужно.
Он посмотрел на Таисию.
— Можно.
Савелий ушел на кухню.
Лида сразу перестала улыбаться.
— Показывай.
Таисия достала серую папку.
Лида взяла ее так, будто там была не бумага, а что-то ядовитое.
— Сволочь, — сказала она через минуту чтения.
— Лида.
— Нет, я еще мягко. Очень мягко. Это не соглашение, Тая. Это красивый мешок на голову.
— Я знаю.
— Здесь ты отказываешься от всего. Вообще от всего.
И еще сама подтверждаешь, что была декоративной вазой.
— Я знаю.
Лида подняла глаза.
— Ты слишком спокойно это говоришь.
— Я не спокойно. Я позднее развалюсь.
— Хорошо. Только не сейчас.
— Не сейчас.
Лида перевернула страницы.
— Дети с ним?
— Преимущественно.
— А ты — мама по записи?
— Выходные, каникулы, разумные договоренности.
— Какие милые люди. Сначала ставят женщину в финансовую зависимость, потом используют ее зависимость как доказательство, что дети должны остаться при деньгах.
— Норин сможет помочь?
— Если есть чем.
Таисия достала ключ.
Лида уставилась на него.
— Это что?
— Нашла сегодня в старой коробке. Бабушкин. От мастерской. Верхний шкаф.
— Мастерская же давно — Да.
Но часть вещей оттуда когда-то перевезли в кладовку.
Помнишь, после смерти бабушки?
Ты еще помогала.
— Помню. Я прокляла тогда все коробки мира.
— У тебя остались мои вещи.
— Остались.
Но синей папки я пока не видела.
— Ее, возможно, забрала Рената.
Лида медленно закрыла папку с соглашением.
— Повтори.
Таисия рассказала.
Про Ларису Ивановну.
Про кладовую.
Про Ренату с синей папкой.

Про исчезнувшую фотографию у мастерской.
Лида слушала молча.
Только лицо становилось все жестче.
— Значит, они чистят следы, — сказала она наконец.
— Похоже.
— Но не все следы знают.
Таисия сжала ключ.
— Надеюсь. С кухни донесся голос Савелия:
— Тетя Лида, у тебя печенье с орехами?
— Без! — крикнула Лида.
— Я же не враг человечества. Потом повернулась к Таисии:
— Давай так. Сейчас ты пьешь чай, потому что выглядишь как женщина, которую пере-
ехал не один грузовик, а целый автопарк. Потом я открываю кладовку.
Савелий смотрит мультик.
Мы перебираем коробки.
Все, что с бумагами, забираешь.
Все, что с фотографиями, тоже.
Ничего не оставляем.
— У меня дома тоже есть коробки.
— Их надо вывезти.
— Гордей не позволит.
Лида посмотрела на нее так, будто Таисия сказала что-то неприличное.
— Позволит?
— Я не так выразилась.
— Вот именно. Отвыкай.
Таисия устало опустила на стул.
— Он уже дал распоряжение охране уточнять мой выезд.
Лида медленно выдохнула.
— Так. Это уже не просто развод. Это контроль.
— Я знаю.
— Нет, Тая. Ты должна понимать не сердцем, а головой.
Он будет действовать через привычку.
Ты привыкла спрашивать, удобно ли ему.
Привыкла сглаживать.
Привыкла не портить.
Он на это и рассчитывает.
— Я сегодня сказала ему, что не подпишу.
Лида замерла.
Потом впервые за день улыбнулась.
— Ну наконец-то. Я ждала этого десять лет.
— Лида.
— Что? Я честно ждала.
— Я любила его.
— Я знаю.
В ее голосе вдруг не осталось резкости.
— Я знаю, Тая.
И от этого простого признания Таисии стало больнее, чем от всех ругательств.
Потому что любовь была.
Настоящая.

Глупая, упрямая, щедрая, иногда слепая, но не выдуманная.

Гордей не всегда был человеком с серой папкой. Когда-то он был мужчиной, который грел ей руки своим дыханием на морозе у закрытой проходной фабрики. Который смеялся хрипло и редко, но так, что ей казалось: ради этого смеха можно пройти еще один тяжелый год.

Который смотрел на ее чертежи как на карту спасения.

И, может быть, именно поэтому сейчас было так страшно. Предают больше те, кто когда-то действительно был своим.

Савелий вернулся из кухни с печеньем в руке.

— Мам, а можно я нарисую тут?

— Конечно.

Лида сразу достала бумагу, карандаши, фломастеры и какую-то старую коробку с наклейками.

— Рисуй мне дом будущего, — сказала она.

— Только без богатых дядек в кабинете. Мне такой не нужен.

Савелий серьезно кивнул, будто получил архитектурный заказ. Через десять минут он сидел на ковре у окна, увлеченно рисуя дом с огромной дверью, двумя трубами, деревом на крыше и непонятным существом сбоку.

Таисия и Лида ушли в кладовку.

Кладовка была маленькой, но забитой вещами так, будто в нее за годы складывали не коробки, а целые законченные жизни.

— Вот это твое, — сказала Лида, вытаскивая первую коробку.

— Это тоже.

А это не трогай, там елочные игрушки и мои неудачные отношения в виде подаренного чайника.

Таисия опустилась на колени.

Коробки пахли пылью, старой бумагой и временем.

На первой было написано ее рукой: «Институт.

Чертежи».

На второй: «Бабушка.

Разное».

На третьей надпись почти стерлась.

Лида принесла ножницы.

— Режь скотч.

Они начали разбирать.

Старые тетради.

Фотографии.

Зачетная книжка.

Несколько писем от бабушки с короткими бытовыми фразами: «Купила тебе варенье», «Не забудь теплые носки», «Крыша опять течет, но пока держится».

Чертежи учебных проектов.

Пожелтевшая газета с заметкой о закрытии фабрики.

Таисия откладывала все, что могло иметь отношение к мастерской и первому проекту.

Лида фотографировала каждую находку на телефон.

— Зачем?

— Чтобы если что-то исчезнет, мы хотя бы знали, что оно было. Если что-то исчезнет. Еще вчера такая фраза показалась бы Таисии чрезмерной. Сегодня — разумной.

В третьей коробке они нашли старый фотоальбом. Не тот детский альбом Марты, о котором позже скажет план и судьба.

Другой.

Ее собственный.

Там были снимки бабушки, молодой Таисии, мастерской, старого двора.

На одной фотографии стоял Гордей.

Совсем молодой.

В дешевой куртке, с улыбкой, от которой у Таисии когда-то перехватывало дыхание.

На обороте было написано его рукой: «Мы еще посмеемся над этим холодом, Тая».

Лида посмотрела на снимок.

— Оставь.

Таисия хотела сказать, что это не документ.

Но промолчала.

Некоторые доказательства нужны не суду.

А женщине, чтобы она помнила: ее прошлое не началось с унижения.

В самой нижней коробке лежал узкий деревянный ящик. Темный, оббитый по краям металлическими уголками.

Таисия узнала его не сразу.

Потом сердце ударило чаще.

— Это из мастерской.

Лида села рядом.

— Открывается?

На крышке был маленький замок.

Таисия достала ключ.

Латунный ключ вошел не сразу.

Замок сопротивлялся, скрипнул, будто обиделся на годы молчания, но повернулся.

Крышка поднялась.

Внутри лежали старые папки, завернутые в плотную ткань.

Не синяя.

Серая.

Коричневая.

И тонкая красная тетрадь.

Таисия взяла ее первой.

На первой странице бабушкиным почерком было написано: «Если опять придут с бумагами, сначала читать, потом верить».

Лида тихо присвистнула.

— Мудрая женщина была твоя бабушка.

Таисия листала тетрадь осторожно.

Там были записи по мастерской: кадастровые номера, старые оценки, долги по коммунальным платежам, заметки о ремонте крыши.

А потом — фамилия Гордея. «Гордей просит Тая не бояться.

Говорит, временно.

Красивый, умный, горячий.

Но горячие мужчины быстро обещают и медленно выполняют».

Таисия прикрыла рот рукой.

Бабушка видела.

Тогда, когда сама Таисия была слишком влюблена, чтобы замечать.

Лида мягко коснулась ее плеча.

— Дыши.

— Она понимала.

— Конечно понимала. Старые женщины часто знают про мужчин больше, чем хотят говорить внучкам.

Таисия перевернула страницу.

Там был вложен сложенный лист.

Копия предварительного соглашения по передаче мастерской в обеспечение проекта.

На полях — пометки бабушки.«Где возврат?»«Почему нет доли Таи?»«Поговорить отдельно».

Таисия смотрела на эти слова и чувствовала, как внутри поднимается что-то горячее.

Не слезы.

Злость.

Бабушка задавала те вопросы, которые Таисия тогда не задала, потому что любила.

Лида уже фотографировала.

— Это важно.

— Да.

— Очень важно.

В коричневой папке лежали копии старых писем.

Переписка с оценщиком.

Письмо от первого инвестора.

Наброски презентации.

На нескольких страницах рукой Таисии были сделаны пометки по концепции реконструкции.«Сохранить арочные окна».«Двор открыть, не застраивать».«Первый этаж — общественные пространства, иначе объект будет мертвым».

Именно это потом стало фишкой проекта.

Именно об этом Гордей вчера говорил со сцены как о философии компании.

Таисия провела пальцами по своим старым словам.

Вот она.

Не в документах компании.

Но на этих листах.

В линиях, замечаниях, полях.

В том, что потом стало деньгами, статусом и фамилией.

— Тая, — сказала Лида тихо.

— Что? Подруга держала в руках конверт. Без подписи. Старый, пожелтевший, заклеенный не полностью.

— Тут флешка.

Таисия взяла конверт.

Внутри действительно лежала маленькая черная флешка и листок.

На листке было написано бабушкиным почерком:«Копия разговора.

На всякий случай.

Не люблю я это потом оформим».

Таисия закрыла глаза.

На всякий случай.

Бабушка, которая всю жизнь держала в ящике запасные пуговицы, лекарства, свечи, соль и деньги «если вдруг», оставила ей еще и это.

Запас правды.

Савелий из комнаты крикнул:

— Мам! Я нарисовал дом!

Таисия быстро убрала флешку в сумку.

Лида накрыла документы тканью.

— Сейчас не смотрим. Не при ребенке.

— Да.

Они вышли.

Савелий стоял у стола и держал рисунок двумя руками.

Дом получился странным: большой, кривоватый, с тремя дверями и множеством окон.

На крыше росло дерево.

Возле дома были три фигурки: маленькая, побольше и еще одна с длинными волосами.

— Это кто? — спросила Таисия.

— Мы.

— А Марта?

Он показал на окно.

— Она пока там.

Она думает.

— А папа?

Савелий замялся.

Потом показал на фигуру у калитки.

— Он пришел, но не знает, можно ли зайти.

Лида отвернулась к окну.

Таисия присела рядом с сыном.

— А можно?

Савелий пожал плечами.

— Если не будет командовать.

Таисия обняла его.

— Хорошее правило.

— А дерево на крыше зачем? — спросила Лида, уже справившись с лицом.

Савелий серьезно ответил:

— Чтобы дом не улетел.

Таисия посмотрела на рисунок, и горло сжалось.

Дети все понимали.

Не словами взрослых.

Глубже.

Через воздух.

Через паузы.

Через то, как мать держит папку, а отец закрывает дверь кабинета.

Телефон завибрировал.

Гордей.

Таисия посмотрела на экран и не ответила. Через несколько секунд пришло сообщение. «Где вы?»

Савелий должен был быть дома после логопеда».

Она набрала: «Мы у Лиды.

Скоро вернемся».

Ответ пришел сразу. «Ты должна была предупредить».

Таисия посмотрела на фразу.

Должна.

Вот оно снова.

Она напечатала: «Я мать, а не сотрудник службы перемещений».

Отправила.

Лида прочитала через плечо и тихо сказала:

— Наконец-то я вижу женщину, которую знала раньше.

Таисия убрала телефон.

— Мне надо вернуться.

— Не оставляй документы дома.

— Не оставлю.

— Флешку тоже.

— Да.

— Лучше сразу к Норину.

— Сегодня?

— Сегодня хотя бы напишем ему. Завтра встреча. Чем быстрее, тем лучше.

— Гордей будет злиться.

Лида посмотрела на нее устало.

— Тая, он уже злится. Просто раньше ты считала это погодой в доме.

Таисия кивнула.

Они сложили найденные бумаги в отдельную папку, флешку — в маленький внутренний карман сумки, туда же, где лежал ключ.

Часть вещей Лида оставила у себя.

Самое важное Таисия забрала.

Когда они выходили, Савелий взял свой рисунок.

— Можно я покажу папе?

Таисия остановилась.

Лида тоже.

— Если хочешь, — осторожно сказала Таисия.

— Хочу. Пусть знает правило.

— Какое?

— Если не будет командовать.

Таисия улыбнулась.

— Покажи. Дорога домой прошла почти молча.

Савелий заснул на заднем сиденье, прижав рисунок к груди.

Таисия ехала медленно, чувствуя в сумке документы, флешку, ключ и еще что-то невидимое, но очень весомое.

Право не соглашаться.

У ворот их уже ждали.

Шлагбаум подняли сразу, но у крыльца стоял Гордей. Без пальто, в рубашке, с телефоном в руке.

Таисия припарковалась сама.

Вышла.

Открыла заднюю дверь и осторожно разбудила Савелия.

— Мы дома. Мальчик сонно потер глаза.

— Папа злится?

— Папа волнуется, — сказала она.

Гордей подошел ближе.

— Савелий, иди в дом. Лариса Ивановна ждет тебя с обедом.

Савелий выбрался из машины, но не пошел.

— Пап, я нарисовал.

Гордей перевел взгляд с Таисии на сына.

— Покажешь потом.

— Сейчас.

Гордей замер.

Савелий протянул рисунок.

— Это дом. Тут мама. Тут я. Тут Марта думает.

А ты у калитки.

Гордей взял лист.

Таисия увидела, как его лицо меняется.
Медленно.

Почти незаметно.

— Почему я у калитки? — спросил он.

Савелий зевнул.

— Потому что ты командуешь.

Гордей поднял глаза на Таисию.

— Это ты ему сказала?

Таисия устало посмотрела на него.

— Конечно. Семилетние дети сами ничего не чувствуют.

— Не надо сарказма при ребенке.

— Тогда не надо допрашивать при ребенке.

Савелий переводил взгляд с одного на другого.

— Я сам нарисовал.

Гордей опустил рисунок.

— Иди в дом.

— Ты не понял правило.

— Савелий. Мальчик вздрогнул от тона.

Таисия шагнула вперед.

— Не так.

Гордей посмотрел на нее.

— Что?

— Не так с ним. Несколько секунд они стояли напротив друг друга у машины. Сад, дом, крыльцо, камеры, охрана — все было вокруг, но между ними вдруг оказался только маленький мальчик с рисунком, на котором отец стоял за калиткой собственного дома.

Гордей первым отвел взгляд.

Он присел перед Савелием.

Не сразу.

Словно тело не привыкло к этому движению в таких обстоятельствах.

— Прости, — сказал он.

Савелий настороженно смотрел на него.

— Ты не будешь командовать?

Гордей молчал.

Таисия видела, как ему трудно сказать простое «не буду», потому что это было бы обещание, которое он не знал, как выполнить.

— Я постараюсь, — сказал он наконец.

Савелий подумал.

— Это не да.

— Но и не нет. Мальчик кивнул, будто соглашался временно, до следующей проверки.

— Тогда я пойду есть.

Он забрал рисунок и побежал в дом.

Гордей поднялся.

Его лицо снова стало закрытым.

— Где ты была?

— У Лиды.

— С документами?

— С сыном.

— Таисия.

— Да.

И с документами тоже.

— Ты понимаешь, что выносить семейные бумаги третьим лицам— Лида не третье лицо. Она мой человек.

— Твой человек? Прекрасно.

— Да, Гордей. Оказывается, у меня еще остались свои люди. Это ударило.

Он не показал, но она почувствовала.

— Что ты нашла? — спросил он. Вот так. Не «что ты делала». Не «как Савелий». Что ты нашла?

Таисия посмотрела на дом.

На окна, где одна занавеска в детской чуть дрогнула. Может, Марта уже вернулась и смотрела вниз.

Может, просто сквозняк.

— Пока — себя, — сказала Таисия.

— Опять красивые фразы.

— Тебя они раздражают, потому что их нельзя внести в таблицу?

Гордей шагнул ближе.

— Мне не нравится, что ты начинаешь действовать под влиянием Лиды.

— Нет. Тебе не нравится, что я начинаю действовать.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься.

— Знаю.

— Нет. Это не романтическая борьба за справедливость. Это суды, экспертизы, деньги, грязь, показания, психологи, опека, пресса. Ты думаешь, старые бумажки изменяют реальность?

— Они могут напомнить, какой реальность была до того, как ты ее переписал.

Гордей смотрел на нее долго.

Потом тихо сказал:

— Если ты пойдешь этим путем, я уже не смогу защитить тебя от последствий.

Таисия вдруг поняла, что раньше эта фраза ее бы испугала.

Сейчас нет.

Потому что за ней не было защиты.

Только предупреждение владельца, чей забор кто-то посмел толкнуть.

— А я больше не прошу тебя меня защищать, — сказала она.

— Особенно от тебя самого.

Она прошла мимо него к дому.

На пороге обернулась.

Гордей стоял у машины, держа в руке рисунок сына.

Он выглядел не побежденным.

Нет.

До этого было далеко.

Но впервые — не уверенным до конца.

И это было маленькой победой.

В холле Таисия сразу почувствовала: что-то опять изменилось.

Не запах.

Не свет.

Не мебель.

Пустота.

Она поднялась по лестнице почти бегом.

Дверь в спальню была открыта.

На кровати лежала ее одежда.

Не вся.

Часть.

Аккуратно сложенная стопками.

Платья.

Блузы.

Домашний кашемировый костюм.

Несколько пар обуви у стены.

Косметичка.

Две книги с прикроватной тумбы.

Лариса Ивановна стояла рядом, белая как мел.

— Я не хотела, — сказала она сразу.

— Гордей Аркадьевич позвонил. Потом приехала Рената Викторовна.

Она сказала, что это срочно.

Что вы сами просили подготовить гостевую.

Таисия смотрела на вещи.

Вот как выглядит выселение, когда у него хороший вкус.

Без криков.

Без чемоданов у двери.

Просто твои вещи уже не в шкафу.

Она подошла к кровати и взяла свою блузу.

Белую.

Ту, в которой была на первом собеседовании после института.

Она давно ее не носила, но хранила почему-то. Ткань была мягкой, немного пожелтевшей у воротника.

Рената держала ее в руках?

Чужая женщина перебирала ее белье, платья, книги?

Таисия медленно положила блузу обратно.

— Где она? Лариса Ивановна сглотнула.

— Внизу.

В кабинете.

— Хорошо.

— Таисия Сергеевна, я правда— Я знаю.

Она повернулась к двери.

В коридоре стояла Марта.

С рюкзаком на одном плече.

Бледная.

Очень прямая.

Она смотрела на вещи на кровати.

— Ты переезжаешь в гостевую? — спросила она.

Таисия увидела, как у дочери дрожит подбородок.

Едва заметно.

Марта уже почти научилась скрывать это.

— Нет, — сказала Таисия.

— Мои вещи решили перенести без меня.

Марта перевела взгляд на нее.

— Папа сказал, так будет спокойнее.

Таисия закрыла глаза на секунду.

Потом открыла.

— Для кого, Марта? Дочь молчала.

— Для тебя? Для Савелия? Для меня?

— Не знаю.
— Вот именно. Никто не спросил.
Марта посмотрела на кровать.
— Но если вы разводитесь, вы же не можете спать в одной комнате.
— Это решают люди, которые разводятся.
А не те, кто перекладывает чужие вещи.
— Рената сказала, что ты сама просила.
Таисия почувствовала, как внутри стало очень тихо.
— Рената говорила с тобой?
— Она была здесь.
Она сказала, что помогает папе, потому что тебе сейчас трудно.
Марта сказала это быстро, будто защищалась заранее.
Таисия подошла к дочери.
— Посмотри на меня.
Марта нехотя подняла глаза.
— Я не просила Ренату трогать мои вещи.
И мне не трудно настолько, чтобы чужая женщина решала, где мне спать.
— Она не чужая.
Она работает с папой.
— Для меня — чужая.
— Ты просто ее не любишь.
— А ты?
Марта открыла рот и закрыла.
Таисия не стала давить.
— Я спущусь вниз. Ты можешь остаться здесь или пойти к себе.
— Ты будешь ругаться?
— Я буду говорить.
— Это одно и то же.
— Нет, Марта. Ругаться — это когда хотят сделать больно. Говорить — когда хотят обновить боль. Дочь отвела взгляд.
— А если поздно?
Таисия коснулась ее плеча.
Марта не отстранилась.
Это было так мало.
И так много.
— Тогда надо хотя бы не делать еще больнее.
Она вышла из спальни.
С каждым шагом вниз злость становилась холоднее.
Не горячеей, не слепой.
Рабочей.
В кабинете дверь была закрыта.
Таисия открыла без стука.
Рената стояла у стола Гордея с планшетом в руках.
В чужом доме.
В чужом кабинете.
С выражением женщины, которая искренне считает себя единственным взрослым человеком в комнате.
Она подняла глаза.
— Таисия Сергеевна. Я думала, вы еще не вернулись.

- Поэтому трогали мои вещи?
Рената положила планшет на стол.
- Гордей Аркадьевич попросил помочь организовать пространство.
— Пространство?
— Вам будет комфортнее отдельно. Сейчас эмоции слишком высоки.
Таисия закрыла дверь за собой.
- Рената Викторовна, запомните одну простую вещь. Мои платья, мои книги, моя спальня и мои дети не входят в вашу финансовую зону ответственности.
Рената даже не моргнула.
- Я понимаю ваше состояние.
— Нет. Вы понимаете только чужие слабые места.
И то не всегда.
- Вы зря видите во мне врага.
— А вы зря думаете, что враг обязан выглядеть грубо.
Рената чуть наклонила голову.
- Я действую в интересах Гордея Аркадьевича и компании.
— Вот именно.
А я — в интересах себя и детей.
— Дети нуждаются в стабильности.
Таисия сделала шаг вперед.
- Еще раз произнесете моих детей как пункт вашей стратегии — и следующий разговор будет уже с адвокатом. Впервые в лице Ренаты что-то дрогнуло. Совсем чуть-чуть.
Но Таисия увидела.
- Вы уже нашли адвоката?
— Вас это волнует?
— Меня волнует, чтобы семейный вопрос не повредил компании.
— Ошибаетесь. Вас волнует, чтобы из семейного вопроса не вылезла история компании.
Рената молчала.
- За дверью послышались быстрые шаги.
Гордей вошел без стука.
- Что происходит?
Таисия не обернулась.
- Я объясняю Ренате Викторовне, что она больше не трогает мои вещи.
Гордей посмотрел на Ренату.
- Я просил подготовить комнату, а не устраивать— Она сказала Марте, что я сама просила.
- Рената спокойно ответила:
— Я сказала, что вы нуждаетесь в более спокойном пространстве. Возможно, Марта поняла иначе.
— Удивительно, как часто все понимают вас иначе.
- Гордей резко сказал:
— Достаточно.
Таисия повернулась к нему.
- Да. Достаточно. Я остаюсь в своей спальне. Мои вещи возвращаются на место.
Рената больше не входит в личные комнаты этого дома.
Охрана больше не уточняет мой выезд.
И любые разговоры о детях — только при мне или через моего адвоката.
Гордей смотрел на нее так, будто видел впервые.
— Твоего адвоката?

— Да.
— Уже?
— Ты же подготовился заранее. Мне пришлось догонять.
Рената взяла планшет.
— Думаю, мне лучше уйти.
— Думаю, вам лучше было не приходиться, — сказала Таисия.
Рената прошла к двери.
На пороге остановилась и повернулась к Гордею:
— Мы обсудим документы позже.
— Нет, — сказала Таисия.
Рената посмотрела на нее.
— Что нет?
— Документы, касающиеся развода, детей и дома, вы с моим мужем больше не обсуждаете за моей спиной.
— Это невозможно, — сухо сказала Рената.
— Значит, привыкайте к невозможному. Я тоже сегодня начала.
Гордей тихо произнес:
— Рената, выйди.
Она вышла.
Дверь закрылась.
Они остались вдвоем.
Кабинет снова стал тем самым местом, где все решалось. Только теперь Таисия больше не стояла снаружи решения.
— Ты довольна? — спросил Гордей.
— Нет.
— Зачем этот спектакль?
— Не знаю. Спроси у человека, который решил переселить меня при помощи твоего финансового директора.
— Я попросил подготовить комнату, потому что нам обоим нужно пространство.
— Ты попросил чужую женщину разложить мое белье.
Он закрыл глаза.
На секунду.
— Это ошибка.
— Нет. Ошибка — случайно разбить чашку. Это — отношение.
Гордей открыл глаза.
— Ты хочешь войны в доме?
— Я хочу, чтобы дом перестал притворяться мирным, пока меня из него выносят по частям.
Он молчал.
Впервые за день у него не было готового ответа.
Таисия развернулась к двери.
— Мои вещи вернутся в шкаф до ужина.
— Таисия.
Она остановилась.
— Что?
— Ты не понимаешь, насколько все может усложниться.
Она посмотрела на него через плечо.
— Понимаю. Просто раньше усложнялась только моя жизнь, а теперь начнет и твоя.
Она вышла из кабинета.

В холле стояла Марта.
Таисия не знала, сколько дочь слышала.
Много.
Достаточно.
Марта смотрела на нее с испугом и чем-то еще.
Не поддержкой.
Не пониманием.
Но, кажется, впервые — сомнением.
— Мама, — тихо сказала она.
Таисия остановилась.
— Да?
Марта сглотнула.
— Рената правда трогала твои вещи?
— Да.
— А ты правда не просила?
— Правда. Дочь посмотрела в сторону кабинета. Потом обратно на мать.
В ее лице что-то боролось.
Верность отцу.
Обида на мать.
Страх.
И маленькая, почти незаметная трещина в той истории, которую ей уже успели рассказать.
— Я думала, ты сама хочешь уйти, — сказала Марта.
Таисия подошла ближе.
— Нет. Я не хочу уходить от вас.
— Но папа сказал Она не договорила.
— Папа сейчас говорит так, как ему легче.
Марта опустила глаза.
— А ты?
— А я тоже могу ошибаться. Поэтому не прошу тебя выбирать мне веру сразу.
— А что просишь?
Таисия ответила не сразу.
Очень хотелось сказать: «Поверь мне».
Но это было бы слишком тяжело для ребенка.
— Смотри сама, — сказала она.
— Только не закрывай глаза, когда тебе страшно.
Марта медленно кивнула.
Сверху донесся голос Савелия:
— Мам! Мои киты пропали!
Таисия и Марта одновременно подняли головы.
— Какие киты? — спросила Марта.
— Пижама с китами!
Таисия закрыла глаза и вдруг почти рассмеялась.
Пижама с китами.
Вот настоящая семейная катастрофа семилетнего ребенка посреди взрослой войны.
— Сейчас найдем, — сказала она.
Марта тихо произнесла:
— Она у него под подушкой.
Он сам утром туда засунул.

Таисия посмотрела на дочь.

— Пойдем скажем?

Марта поколебалась.

Потом кивнула.

Они поднялись наверх вместе.

В спальне вещи Таисии все еще лежали на кровати, но уже не выглядели только унижением. Теперь они выглядели как поле, на котором придется навести порядок своими руками.

Савелий стоял у двери своей комнаты с лицом человека, у которого отняли последнюю опору.

— Киты пропали.

Марта прошла мимо него, залезла рукой под подушку и вытащила пижаму.

— Вот твои киты.

Савелий просиял.

— Я знал, что они не могли далеко уйти.

— Конечно, не могли, — сказала Марта.

— У них лап нет.

— У китов плавники.

— Вот именно.

Таисия смотрела на детей и впервые за день почувствовала, как боль отступает на полшага.

Не исчезает.

Просто дает место чему-то другому.

Пока они спорят о китах и плавниках, не все потеряно. Поздно вечером, когда вещи были возвращены в шкаф, Рената уехала, Гордей закрылся в кабинете, а дети разошлись по комнатам, Таисия вошла к Савелию пожелать спокойной ночи.

Он уже лежал под одеялом, но не спал.

— Мам?

— Да?

— Ты точно не уедешь ночью?

Она села рядом.

— Точно.

— Даже если папа скажет?

— Даже если папа скажет.

Савелий подумал.

Потом вытащил из-под подушки ее старую заколку.

Ту самую, которую она нашла утром.

— Я спрятал.

— Я знаю.

— Не ругайся.

— Не буду.

— Просто если твоя вещь тут, ты должна вернуться.

Таисия взяла заколку.

Маленькая, темная, с царапиной на краю.

Обычная вещь.

Для него — якорь.

Она положила заколку обратно под подушку.

— Пусть пока полежит здесь.

Савелий облегченно выдохнул.

— Значит, ты вернешься.

— Я здесь.

— А если бумажки скажут другое?

Таисия наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Тогда мы будем спорить с бумажками.

— Они сильные?

— Не сильнее людей.

— А папа?

Она замерла.

— Папа тоже человек.

Савелий сонно пробормотал:

— Он иногда забывает.

Таисия поправила одеяло.

— Мы ему напомним. Когда сын уснул, она тихо вышла.

В коридоре у окна стоял Гордей.

Он, кажется, слышал последние слова.

На лице не было злости.

Только усталость.

И что-то еще, от чего Таисия слишком хорошо умела раньше слабеть.

Но сегодня она не позволила себе.

— Он боится, — сказал Гордей.

— Да.

— Ты думаешь, я не вижу?

— Я думаю, ты видишь, но называешь это издержками процесса.

Он опустил взгляд.

— Я не монстр, Тая. Имя сорвалось у него само.

Таисия не поправила.

Не потому, что разрешила.

Потому что устала.

— Я знаю, — сказала она.

— Именно поэтому больнее.

Он поднял глаза.

Между ними стоял длинный коридор, ночной свет, закрытые детские двери и вся та жизнь, которую они когда-то считали общей.

Гордей тихо сказал:

— Я не хотел, чтобы Савелий так боялся.

— Но хотел, чтобы он остался здесь без меня большую часть времени.

— Здесь его дом.

— А я кто в его доме?

Он молчал.

Таисия кивнула, будто получила ответ.

— Спокойной ночи.

Она пошла к спальне.

— Таисия.

— Не сейчас.

— Нам надо договориться.

Она остановилась у двери.

— Нет, Гордей. Нам надо перестать делать вид, что договориться — значит, я соглашусь.

Она вошла в спальню и закрыла дверь.

На этот раз не на ключ.

Просто закрыла.
Потом подошла к шкафу.
Ее вещи снова висели на месте.
Не все так, как раньше.
Какие-то платья перепутаны, коробка с обувью поставлена не туда, книги сложены криво.
Но они были здесь.
Она открыла сумку.
Достала флешку, ключ и документы из ящика Лиды.
Положила их не в шкатулку.
Не в комод.
Не в шкаф.

А в маленькую дорожную косметичку, которую сунула под подкладку старой спортивной сумки в самом дальнем углу гардеробной. Потом села на пол рядом со шкафом и написала Лиде: «Нашли важное.

Завтра Норин».
Ответ пришел через минуту: «Завтра Норин.
Сегодня спи.
И заколку у Савелия не забирай».

Таисия посмотрела на сообщение и впервые за весь день тихо улыбку.

Потом погасила свет.

Дом не спал.

Она чувствовала это.

Где-то внизу Гордей, наверное, ходил по кабинету.

Рената, возможно, уже отправила ему длинное сообщение с расчетом рисков.

Марта лежала в своей комнате и думала, кому верить.

Савелий спал, охраняя под подушкой маленькую заколку как доказательство, что мать не исчезла.

А Таисия стояла в темной спальне, которую у нее уже попытались забрать, и смотрела на свое отражение в окне. Женщина в стекле больше не улыбалась для камер.

И это было хорошо.

Иногда первое честное лицо начинается именно с того, что ты перестаешь быть удобной.

ГЛАВА 3. Первая женщина в списке приглашенных

Утром Таисия проснулась от чужого голоса внизу.

Не громкого.

Наоборот, слишком спокойного, слишком ровного для дома, где еще вчера детские страхи прятали под подушку вместе со старой заколкой.

Она открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, кто говорит.

Не Лариса Ивановна.

Не Гордей.

Женщина.

Таисия села.

В спальне было холодно.

Или ей так показалось.

Окно оставалось закрытым, отопление работало, на кресле лежал ее халат.

Но после вчерашнего дня даже воздух в комнате казался временным, как будто его тоже могли перенести в гостевую по распоряжению Гордея Аркадьевича.

Голос снова донесся снизу.

— Нет, Марта, сегодня не этот свитер. Синий лучше смотрится с формой.

И волосы можно убрать ниже, так будет аккуратнее.

Таисия замерла.

Рената.

Внизу.

С Мартой.

Она встала так быстро, что халат соскользнул с кресла на пол. Подняла его машинально, надела поверх ночной рубашки и вышла в коридор.

Дверь Савелия была приоткрыта.

Он еще спал, раскинувшись поперек кровати, с одним носком на ноге и вторым где-то под одеялом. Под подушкой, Таисия знала, лежала ее заколка.

Марта уже была внизу.

И рядом с ней была Рената Штольц.

Не в кабинете.

Не в холле.

Не у двери.

В столовой.

Таисия спустилась на несколько ступеней и остановилась.

Рената стояла у стула Марты, держа в руках тонкую расческу.

На ней был светлый брючный костюм без единой складки, волосы собраны гладко, лицо свежее, будто вчера она не участвовала в маленьком домашнем выселении чужой жены, а просто закончила обычный рабочий день.

Марта сидела перед ней, напряженная, с прямой спиной.

На столе лежала синяя лента для волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.